

Феруза ИБРАЕВА

НЕМНОГО ПЛОХИЕ

Повесть о самоподрывах

Глава 3. ВЕДЬМА¹

Глухая осень, заливало дождями, не спалось. Лера включит телевизор, рассчитывая, кино отвлечёт от навязчивой мысли: почему подруга пошла на таран? «Танцующая в темноте» только начался. Странноватый мюзикл затянет, чем дальше — тем сильней. Диалоги и картинки из фильма врежутся в Лерино сознание, подскажут ответ. «Я хотела подержать его в руках», — объяснит Сельма, главный персонаж, когда её спросят, почему не прервала беременность. Женщина не избавится от младенца, выносит, родит, зная, что сын будет потихоньку слепнуть, как она, как отец. Да поймите же, наконец, крикнет в глухое пространство Лера, Нилю просто хотела увидеть своего ребёнка, подержать на руках, потрогать щёчки, поцеловать пальчики не ради стакана воды в старости.

Бессмертие на земле есть. Это дети. Они дают уверенность: там, впереди, несмотря ни на что, всё будет, и всё будет хорошо. У бездетного мужчины и женщины уверенности этой нет, они конченые люди. Райское бессмертие не компенсирует обрыв нити земной бесконечности. Сейчас немодно надрывно тужить по бездетности. Расплодились адепты чайлдфри-идеологии...

Наутро Лера проснулась с уверенностью: точкой невозврата в трансформации подруги послужила новость о нелепом судебном процессе над Эсмеральдой. Злорадство махаллинского участкового переполнило чашу тяжких сомнений Нилюфар: быть или не быть ей шахидкой. Она сдалась. С тех пор, как узнала о судимости Эсме, часто повторяла: «Их надо давить, как тараканов, человеческого языка не понимают».

Как заведено летом, Нилюфар обильно полила вокруг ворот, приготовилась мести, видит, мчится по дороге Эсмеральда.

- Куда в такую рань?
- Анализ на СПИД сдать.
- Ты...

— У меня судимость, я в группе риска, вызывают на анализ, — выпалит девушка, пролетая мимо остолбеневшей женщины.

Опершись на метлу, Нилюфар в задумчивости усваивала известие. За завтраком расспросила мать, что за чушь, судимость Эсмеральды. Мать поведала, соседский парнишка, Ганишер, став участковым, первым делом написал донос на Эсме, которую знал, сколько себя помнил. Доложил начальству, девушка организовала притон. Эсме наградили условным сроком, она периодически отчитывается перед служивыми, регулярно проверяется на инфекционные болезни — положено.

Не доводя до ушей матери, Нилюфар довела негодование до Шахида:

— Собственными руками голову ему оторву. Ты знаешь, что это за семья? Их трогать нельзя!

Шахида ждала этих слов: женщина созрела. Подговорить азартного мужа, сложится боевая парочка, готовая броситься в пламя.

— А ты мне не верила. Всё зло от ментов, — вставила свои извечные три копейки Шахида.

— Я всё понимаю, сажать паршивцев надо, но заводить дело на девушку, которая выживает... это... это бесчеловечно.

— Не посадили же. Не переживай. Условная судимость — ерунда.

¹ Главы 1-2 повести «Немного плохие» опубликованы в №5 «Невского проспекта».

- Она с ним после этого всего здоровется?!
- Чтоб реальный срок не влепил. Нечисть может.

Они живут рядом. Ганишер и Эсмеральда младше Нилюфар и Леры лет на восемь-десять. Дом Эсме в параллельном от Гани проезде. Мать Эсмеральды однажды уснула и не проснулась. Не первый сердечный приступ, о чём гласила свежая запись в медкарте. Отцу нашлась другая жена, хорошая женщина. Зайнаб аби, бабуля Эсмеральды, великая чистюля и аккуратистка, держала баню. Бани были во многих дворах, посторонних мыться пускала лишь Зайнаб аби. После каждого клиента она прибиралась в баньке, пока очередные клиенты попивали чаёк на террасе. После смерти бабушки промысел отошёл Эсмеральде. Профессию она не приобрела, фабрику, на которую устроилась работать, закрыли, от отца дети получали мизер.

Пользовались баней в основном соседи. Заходили малознакомые пары, супруги, на неопытный — она поздно выйдет замуж, рано овдовеет — взгляд Эсме. Паспортов девушка не требовала. На доход от бани, которую Ганишер обозвал притоном, но не брезговал посещать, покуда не построил свою, покупала скромные деликатесы, одёжу застрявшим в детстве младшим братьям. Мальчишки родились особенными, резус-конфликт родителей сказался. Инвалидность Эсме оформить не смогла, братья наотрез отказывались идти в больницу.

По утрам младший с сумкой в руках торопливо шагает в сторону трассы. «Куда, Анвар?» — приветствуют его махалинцы. «На работу пошла», — деловым тоном отвечает подросток. Он привык к «на работу пошла» сестры, не различает, где женский, где мужской род, не только в речи. Покружив на остановке, поболтав вдоволь с пассажирами, появляется в родном проезде: «С работы иду, устала, еле иду». Второй мальчишка, напротив, несговорчив; сидит возле ворот, рассматривает прохожих, делает замечание хромоногой соседке: «Зелёнку мажь на ногу».

Жители долго гудели, как заносчивый парень Ганишер «дослужился» до дисбата в срочную, надел погоня. Пацаном он «слышно» агрессивировал. Выстроил родителей и сестёр по стойке смирно. Бравый защитник законности, грудь колесом, чихал он на закон, на уважение к старшим, к слабым. Судачили, работа в органах подходит парню. Погоны давали право чуть что кулаком в морду провинившемуся. В урочный час, ни рано, ни поздно, Гани женился на доброжелательной девушке — как такая вышла за него? — родил двух дочек. С тех пор громких семейных сор из их двора не вырывалось наружу. Благопристойным мужчиной вырос, полагала Нилюфар. До недоразумения с Эсме она не особо выникала в будни махалли.

— Всевышний всё видит, ты твердишь. Почему не покарает мерзавца? Имущество сирот нельзя трогать. Мама Ганишера относит ураза фытыры¹ Эсмеральде. Её драгоценный Гани, пустышка, без зазрения совести лишил Эсме приработка. Почему он не наказан?

— Всевышний вершит дела нашими руками, — отрезала принципиальная Шахида. Она взвалила на себя миссию строгого ментора, поучала новенькую, несмышлёныша Нилю.

С той поры о чиновниках, силовиках, власть предержащих, ими недовольны поголовно все, но в разных дозах, Нилю отзывалась негативно. Недовольство принимало болезненную форму, она гневалась по пустяковому поводу. «Мелочи» выросли до размеров значительных неудобств. Нехорошо это, одергивала себя Нилю, бери пример с других. Относятся же мама, соседи, Лера, Рахим к нынешним порядкам как к естественным. Лера выльёт ушат холодной воды на меня, приду в устойчивое состояние, решила Нилю, засобиралась к подруге в кафе. Лера проводила воспитательную работу по заданному алгоритму: пожуришь, пожалеть, в конце обнадёжить. Алгоритм сложился в глубоком детстве. Комплексующая Нилю нуждалась в речах энергичной подруги.

Нилюфар привела себя в порядок, в полном параде пошла к остановке. Едва не упала, не заметив выбоину, асфальт в махалле не перестилался четверть века. Небось, по документам у нас уложен свежий асфальт, чертыхнулась она. Её накрыло раздражением. Светофор у остановки неделю не горел. Через дорогу школа, дети перебегают. Куда смотрит администрация? Возмущение от выбоин резко подскочило от неисправности светофора. На немигающий красный цвет она перешла дорогу, дождалась нужной транспорт, доехала до «Заходи».

Рядом с кафе продуктовая лавка. Нилю зашла купить бутылку масла, мать просила. На полке с маслом ценников не было. Она вскипела от негодования, высказала продавщице, почему нет ценника. «Некогда писать, иди в другой магазин, раз не нравится», — грубо отшила продавщица. Нилю ответила тем же: «Пошла ты! Иди на базар, если по правилам торговать не хочешь». Скандалит Нилю по поводу ценника, в голо-

¹ Милостыня перед разговорцем.

ве другая ария звучит: «Сдают нервы, прёт желчь, можно же спокойнее вести себя, в её глазах я точно скандалистка, некрасиво». Параллельно обличению оправдывается: «Легко быть пуленепробиваемым, если биохимия в норме. У меня что? Проклятое нездоровье. Стыдно, в кого превратилась». Неужели озлобленность не одолеть? Расстроенная больше из-за своей несдержанности, чем из-за наглости продавщицы или неисправного светофора, Нилю вошла в «Заходи».

Лерин братишка, ушлый малый, разнюхал про помещение за небольшую арендную плату, уговорил родных взяться за дело — держать кафе. Они дерзнули. Мать получала гроши в детском саду. Районный Дом культуры, которым заведовал отец, закрылся, единственный его заработок — игра на любом инструменте в духовом оркестре на похоронах. Он музыкант-универсал, джазовал в молодости. С развалом Союза чувствовал себя эмигрантом, запил. Взрослевший в девяностые сын в университет не пошёл. Задвинул высшее образование куда подальше. Оно не гарантировало стабильной занятости, следовательно — дохода. На глазах был пример сестры.

Лера, лучшая ученица выпуска, не прошла на банковское дело в университет. В Перестройку размножились коммерческие банки. Девушки мечтали украшать их офисы собою в белых блузах, узких юбках. По слухам, работа в банке позволяла безбедно жить. На следующий год Лера снизит планку отцовских амбиций, подаст документы туда, где меньше конкурс: на специальность «русский язык и литература». Окончив университет, она будет работать везде, кроме школы; в свободное время помогать маме на кухне, брату — в зале кафе.

В темном помещении было прохладно, редкие посетители. Можно спокойно поговорить за мороженым, чашкой кофе. Лера не предложит подруге поесть, зная, у той серьёзные ограничения по еде. Три темы преобладали во встречах подруг. Лерины: зарплата, отец, распад Союза. Нилюфаркины: ай-ти-мастер, непристроенность, недуги. Первейшая из Лериных — отец, из Нилюфаркиных — непристроенность. Для неё не быть замужем, не иметь деток означало абсолютный крах. Она выросла в полной семье, у родственников не полные, а переполненные семьи — много деток. Нилю не сталкивалась с образцами самодостаточного одиночества в своём окружении, не видела альтернативной схемы жизни.

Разговор Нилю начала не с судимости Эсме, с жалобы на выбоины, светофор, продавщицу. Избавившись от раздражения, перешла на общие рассуждалки, одновременно прокурывая в уме, какие перспективы вырисовываются от вырвавшихся из её уст слов «голову оторву». Шахида возьмёт оговорку на заметку, поделится с духовником.

Люди делятся на мужчин и женщин, талантливых и бездарей, на счастливых и остальных — на первых и вторых. Что Лев Толстой о счастливых и несчастных семьях сказал? «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Гениально. Счастливые подобны: есть семья, работа, здоровье, финансовые ресурсы, самореализация. Различия — что в приоритете из этой цепочки.

Комбинаций несчастья несравненно больше. Есть здоровье, работа, нет семьи. Есть семья, нет работы. Нет здоровья, нет работы. Нет работы, нет семьи. Иногда отсутствуют все пункты. Живут, однако. Некоторые даже радуются; радуются крохе позитива; жажды жизни — хоть отбавляй. Трепыхаются через силу, несмотря на то что участь не переменится. Сидят на допинге из грёз: вдруг, сама собой, образовалась семья, родились дети, нашлась достойная работа, организм самоуправляется. В воображаемой действительности у них есть всё, что должно быть у человека нормального в реальности.

Нилюфар относилась себя ко второй категории. Заводилась, если при ней плакались те, кто, в её понимании, счастлив, имеют веские основания быть таковыми, несчастны от того, что не осознают, насколько щедро одарены. Сильнее заводилась, когда обделили обиженных судьбой. Будешь счастливым или несчастным, предопределяется с детства, считала она. Неудачный старт оправдывает несчастливцев. И в дальнейшем они не сумеют выстроить полноценную жизнь, как они ни старайся. Оправдание было, но не утешало.

Нилю мозолили глаза подтверждения сим выстрадавшим убеждениям. Эсмеральде в наследство достались отстальные братья. Сына шизофренички переехала машина, Игорьку не доведётся прожить целую жизнь. Родного брата за хулиганскую проделку засадили по взрослой программе на полную катушку. Сама непоправимо несчастна. Родители подарили внешность истощавшей лошади и мёртвую почку. В завершение образа злосчастная травма руки в шестнадцать. Главная беда — нет мужчины, который дойдёт с ней до конца.

То, что не сложилась должным образом женская судьба, началось, мать вторила Нилю, в детстве. «Не слушалась, не ела, вот почка и открепилась, засохла», — корила мать. «Ну, не лезет мясо. Я вообще есть не хочу», — ныла дочь, когда мать припихивала усиленное питание. Неполомки со здоровьем вскрылись в подростковом возрасте. Де-

вочку отправили на УЗИ. Врач не обнаружил правую почку, атрофировалась.

Молва — что белый одуванчик, не успеешь сорвать, поднести к губам, разлетаются сплетни. Укореняются. Весть о единственной у Нилю почке мгновенно распространилась по школе. Мальчишки смотрели, как на героя: надо же, девчонка с одной почкой живёт. Став юношами, не воспринимали её девушкой на выданье. Молва бежала впереди Нилю, трубила во всю мощь, отбивая охоту ухаживать за ней. Невеста — возлюбленная. Жена — мать и хозяйка. Рожать детей, исправно хозяйничать — ой как нужно здоровье. Нилю очертила край: если не выйдет замуж до двадцати семи, будет рожать без официального мужа. В народе именуется этот класс женщин «мать-одиночка».

Худящая, плоскогрудая каланча, щупать нечего; огромные глаза на вытянутом лице, пробор посередине, длинная челка, неровные зубы. «Вылитая молодая Шер», — обронил Лерин отец в сторону повзрослевшей Нилюфар. Когда у них с Асхатом поплыли отношения, Лера подарит ей диск с черно-белой записью Шер и Санни 1966 года «Литл мен». Лерин брат, музыкант по призванию, в эпоху слабого интернета скачивал записи на диск, печатал обложку и, чего греха таить, продавал контрафакт по востребованию.

Наслушавшись Шер и Санни, Нилюфар полюбит свою внешность. На записи Санни нескрываемо бабдеет от Шер. Асхат был на миллиметры ниже ростом, ей понравится, как дуэт иронично обыгрывает этот момент. Ответственная Шер помнит о съёмке, серьёзно ведёт свою партию, усердно пританцовывая в красных туфельках, Нилю уверена, туфельки красненькие. Безответственный Санни — дожить до старости не сумел, оставил любимую тащить семью и груз таланта одну, из-за чего та превратилась в стронг энаф — не замечает съёмку вообще; стоит вполоборота к Шерилин, не отрывает глаз от неё или дурачится на сцене в странном полосатом одеянии заключенного концлагеря. Дурачится, чтобы скрыть, как всё у него в животе замерло, приостановилось, откровенно тащится от пританцовывающей девушки.

Как он на неё смотрит?! То жадным, не отрываясь, взором, вот-вот проглотит любимую. То заледенелым взглядом обкуренного торчка. Или с обычным — безмерным — обожанием влюбленного под завязку простого парня.

Нилюфар не певица, у неё свои таланты, конкретнее — душевность. В неё можно влюбиться до беспамьства — вот какую идею подарила Нилю семья Леры. Девушка жила в ожидании сильного чувства, не разменивалась на заведомо непрочные отношения. Ошибалась, обвинит себя она позже, когда прояснится, уже ничего не изменить, ничто не поправит. Надо было быть прозаичней, завязывать отношения с любым проклёвывающимся вариантом. Как отдаться нелюбимому, скажите? Закрыв лицо подушкой, учили подруги. Её бы стошнило.

Спустя несколько лет Лера возьмётся разобрать «мусор памяти», чтобы помянуть подругу, не сумевшую стать счастливой. Никто, даже близкий и любящий человек, не осчастливит другого. Стать счастливым — личная обязанность. Её нельзя переключать на посторонних. Не у каждого получается стать счастливым. Не потому, что плохие, не достойны. Не получается, и всё. То ли хроническое невезение, то ли силы иссякли преждевременно. Ресурс людских батареек разный. Остается без нытья, ворчанья, озлобленности, принимая факты, не завидуя, жить.

А умирать как? Не переживай, Марина, что дочь безмужняя, успокаивала Лерину мать Зайнаб аби, молодость-то, в одиночестве, не в одиночестве, быстро пройдёт, главное, в старости не быть одиноким. Умирать одному тяжело, вот где настоящее несчастье. Жизненный срок выпал Нилюфар краткий, она боялась умирать одна: мать на ладан дышит, брат в «санатории», подруги в бегах по собственным делам. Зайнаб аби говаривала девушкам, ищите не мужа, мужчина уйдет, турмуш ипташи, «супруг» по-татарски, не бросит. Нилю остро нужен был турмуш ипташи.

За стаканом сока подруги обсудили судимость Эсмеральды. Для Нилю это было новостью, Лера же спрошчалась с известием давно, оно полуторагодовой свежести. Лера всегда держала за пазухой горячие вести о стране, махалле, знакомых. Она рассказала подруге последнюю:

- Слышала, Гани засадил Эржана?
- Что? Ёрик в тюрьме?

Сестрёнка Толика купила мороженое. Им в махалле торговали на обочине трассы. Пошла домой, про пакет, прислонённый к морозильнику, забыла. Ёрик незаметно подобрал пакет, дал дёру. Мальчишки увидели, бегом к Гани. Как назло, участковый был дома. Он догнал, скрутил Ёрика, вызвал наряд. Ёрика и сестрёнку Толика, она домой не успела дойти, увезли в участок. Там заполнили протокол, отдали пакет, отпустили пострадавшую. Та в плотьмах одна брела домой.

Девчонка в красках рассказывала соседям, что испытала в милицейской машине: «Я не хотела ехать, сказали, не поеду, пакет не отдадут. Который старший, разговари-

вает, как бандит, понять трудно. Короче, говорит, палас пропал, возьми на себя. Ёрик, всё возьму, говорит, только не мокруху. Ты меня знаешь, начальник говорит, не повешу лишнее, скоро зима, крыша будет, кормёжка. Хорошо, говорит Эрик, в камеру принесёшь пол-литра, шашлык, сигареты. Ты меня знаешь, я слово держу, куплю лично, сказал старший, палас на себя возьми, надоели, жалуются. Милиционерам в машине сказал, не бейте, чтоб синяков не было, надоели проверки. Вот как в милиции договариваются».

Летом в махалле стирают паласы, вешают на заборы сушиться, бельевые веревки не выдерживают тяжести мокрых ковров. Никому в голову не придёт стащить старые половики. Однако хозяйское добро пропало. Жители волновались, смельчаки надоедали милиции: «Найдите вора». Новость, что за кражу паласа будут судить не постороннего им бомжа, всколыхнуло баб. Они бранились с милицией: «Зачем ему палас, у него дома нет? Кто купит у бомжа? Не дураки, понимаем, у него нет ничего. Ёрик не ворует. Беззаконие!» Мужики пожимали плечами, обычное дело: был бы человек, дело пришьётся.

Когда-то в махалле жила семья Эржана, более известного по школьному прозвищу Ёрик. Что за скандал произошёл в семье, подлинно соседи не знают, но отца и мать Эржана нашли заколотыми. Сына посадили. После отсидки он бомжевал, шатался по махалле. Парня подкармливали, дарили одежду, деньги. Когда закрыли Ёрика во второй раз, жильцы бурно митинговали кучками возле ворот Гани:

- Нарвешься, отдубасят ночью.
- Мент поганый.
- Горбатого могила исправит.
- Пожалуемся на тебя.

Митинги не дали результатов. Рьяного участкового не сняли с должности. Эржан отправился в «санаторий» перезимовать.

От махаллинских новостей подруги перешли к личным болячкам. Нилю вспомнила другой разговор в этом же кафе. Тогда Лера сообщила сенсацию. Пролог начался, как обычно:

- Асхат на связь не выходил?
- Ещё чего? Мы из разных каст. Я из неприкасаемых.
- Хочешь, чтоб я тебя пожалела?

Лера не соглашалась, но и не опровергала доводы подруги о предопределении судьбы с детства. Она из тех танков, способных снести любые преграды к желанной цели. Нилю действительно не везло, причём с детства. Не боец, не прагматик, за что ей всегда доставалось от Леры:

— Он — не твоё пальто. Поймёшь ты это когда-нибудь? Овца, выпрями спину, — Нилю горбилась.

- Плохо меня знаешь!
- Один исчез, так все мужчины виноваты?
- Выйду замуж с закрытыми глазами за любого нормального.
- Ишь, замуж захотела! За нормального? Фантазёрка!
- Почему нет? Ты не слишком? — порою резкие Лерины нападки Нилю трудно

было сносить.

— За благородного? Зарабатывающего? — «не услышала» замечание про «слишком» Лера. Вошла в раж: — Дорогая, ты о-по-зда-ла, понимаешь? Замуж за приличного даже во сне не выйдешь, ушлые бабёнки разобрали их. За бестолочь выходить — лучше в девках сидеть.

— Сижу, как видишь.

— Яйца высиживаешь? В нашем возрасте не бывает, чтоб и свободный, и стоящий был. За мужика драться надо. Ты сразу в слёзы: «я сама виновата, это я виновата». Линчуй себя.

- Предлагаешь через людей переступить?
- Через тебя же переступили, не поперхнулись. Живут. Ребёнка родили.
- Как родили? У него же проблема с...

Что за день! Удар за ударом. Нилю сочиняла самое невероятное с Асхатом. Версию «ребёнка родили» не воображала никогда.

— Сама случайно узнала. Всё у него в порядке, не было проблем. Товарищ предохранялся, чтоб ты не залетела.

— Как?! Он знал, я лечилась... думала, причина во мне.

— Что «как»? Древним способом. Прерывался, — Лера оборвала подругу. — А ты зря гробила здоровье.

Онкогинеколог скажет Нилюфар, гормональная стимуляция, агрессивное лечение от бесплодия, не исключено, спровоцировали рост нежелательных клеток.

— Ребёнок от тебя ему не нужен был. Только кайф под приятную болтовню. Вме-

сто виски. Ты же идеальная партнерша: неопытная, без претензий. На твоей территории встречались, тоже удобно.

— Не верю! Ну, хоть что ты говори, не мог он меня обманывать. Он не такой, иначе я б его не выбрала. Он маме нравился...

Асхат приходил в дом, где нет мужчин — отец умер, брат в тюрьме, — грузённым. Знал, Нилю любит качественный сыр, но не позволяет себе, хотя работала не покладая рук. Он покупал сыр не аккуратно вырезанным треугольником, увесистым ломтём. Угощал часто тортами, экзотическими фруктами. Мать восхищалась: воспитанный мужчина, ровный, скромный.

— Маме нравился? Дурной признак — нравится мамам, — в ответ на недопонимание подруги пояснила: — Две женщины на пару хотят, чтоб он женился. Двойной удар под дых.

— Всё равно не верю.

— Не верь мне, поверь правде: не твоё пальто. Откинь иллюзии, проснись. Одни набожные люди живут не здесь. Ты же как всё, когда веришь, когда нет. Жаль, очень жаль, что не забеременела. У тебя не было шансов с ним. Как вспомню его, мне больней за тебя, чем за себя становится.

Сочувствие подруге было искренним. Она чувствовала неловкость перед Нилю. Нездоровье сделало её несчастной, забрав возможность быть матерью. У Леры имелись существенные преимущества: здоровье, энергия, опыт замужества, — перспективная во всех смыслах. У Нилю по всем фронтам облом. Это осознавали обе.

— Ты ещё родишь.

— Встречу на улице борова этого...

— Не боров он, телец по гороскопу.

— Встречу этого быка на улице, расцарапаю до крови, чтоб шрам остался на всю жизнь. Пусть помнит, за что.

— Повезло ему, ты его в лицо не знаешь.

— Вычислю.

— Не надо. Там ребёнок, крепкая семья, я чувствую.

— Он хоть на тебя тратился? Заботился как-то?

— Ты же знаешь. Золотые серьги, цепочку подарил. Дублёнку турецкую купил.

Иногда деньги в мой письменный стол перед уходом незаметно клал.

— Иногда? Заботиться — когда 24 часа, семь дней в неделю, годами. Серьги? Плата за сеанс кайфа. Ты что, шалава? Он тебя хоть два месяца подряд содержал? С тобой по врачам мотался?

Лера удивится, подругу не штормит после этой грубой правды. Дома, в пустой комнате, когда никто не дергал, сопоставив события, восстановив подробности, вспомнив куски фраз, Нилю примет вывод Леры: предохранялся. Она запомнит дату, когда свалилась эта зврилка — 18 февраля. Разрозненные фрагменты, слова, ощущения состыковались без пустот. На расстоянии в два года после разрыва картина их отношений предстала прорисованной до мельчайших деталей.

У Нилю появилось, чем занять себя. Она круглыми сутками размышляла, вопрошала, недоумевала, почему не заподозрила подвох. Это было самое обидное. Жизнь тупизма не прощает. Дура, сиди теперь у разбитого корыта. Поделом. Бесконечно доверяла, была уверена, Асхат не сделает ей плохо, плохих она видит сердцем. Выяснилось, не видит. За полтора года встреч можно было задуматься, почему не наступает беременность, ради которой она легла с ним в постель.

Наступила эра компьютеров. Начальник Нилю выставил дилемму: или тебя полностью сокращаем, или ты на полставки ведешь бухгалтерию дома, компьютером снабдим. Она срочно записалась на компьютерные курсы. Курсы не одолели робость перед дорогим устройством. Она не научилась закачивать программы со специальных дисков, чистить ПК от вирусов, форматировать — много чего. Однажды компьютер сдох от скачка напряжения в сети. Чужой компьютер, единственный заработок. Надвигалась катастрофа. Нилюфар обратилась к преподавателю на курсах. Мужчина согласился помочь, починить, если сумеет.

Войдя в дом, он первым делом отправится мыть руки с дороги. Чистоплотный, отмегит Нилю. С кейсом в руках серьёзно спросит: «Где больной?» Хозяйка покажет на письменный стол: «Вот. Не включается». Мастер вскроет машину, повозится с внутренностями, переустановит программы. Компьютер засветится, Нилю — тоже, от радости. Поработав немного, пойдут пить чай, откровенничать. Она, наконец, рассмотрит его глаза. Чтобы рассмотреть их, она вперилась в самые зрачки. Раньше ей не доводилось пристально вглядываться в мужчину. Глаза сочно карие, блестят, как лакированные, поэтому кажутся на беглый взгляд черными. Интересный персонаж, подытожит неформальное общение Нилю. С удовольствием заплатит за услугу.

Чуть что, Нилю вызывала компьютерного доктора на дом. Не вспльчивый, разумный, в отличие от брата. А какой мастеровитый?! Мечта! Он тоже оценит её: неподдельное восхищение им, не липучая, односложная — вся на поверхности. Находка для лёгких отношений. Однажды, мать гостила у дальних родственников, Нилю попросит его переспать с ней. Никаких обязательств, предупредит она его. Ему понравится, он стал ночевать у неё. Когда приезжать, как надолго, решал он. Приезжал два-три раза в неделю, потом раз в две недели, а то вовсе пропадал на два месяца. Был в командировке, объяснялся он. Давай прекратим эту головоломку, предложит она. Он махнет головой, уйдёт в ночь.

Ей хотелось быть чуть больше, чем подружкой для спорадических встреч. Не сложится. Они буднично расстались за три года до онкодиагноза.

Нилю была твёрдо настроена заполучить своё от Асхата — зачать. Без докторов знала, из-за атрофированной почки не родит в ближайшее время, не родит никогда. Бабий век короток, в её случае — подавно. Знал, как ей важно забеременеть, тем не менее, предохранялся. Зачем вырезал полтора стратегически ценных года из и так недлинного отрезка, имеющегося в её распоряжении здоровья? Она строила планы, успеет поставить ребёнка на ноги, возможно, с заботой сына или дочери проживёт, если не счастливую, как минимум нормальную жизнь. Вариант, что Асхат свяжется с ней официальными узами, не рассматривала. Он образцово-показательный мужчина, она соткана из изъёнов. Обряд никаха, чтоб ребёнок родился благословенным, был пределом её желаний.

«Ты что? Думаешь, пройдя никах, я смогу оставить вас?» — ответит Асхат, когда Нилю озвучит заветное желание. В этот момент принял решение предохраняться, покинуть её ради утех с другой? Вспомнив это его откровение, подумает Нилю опосля. Он расстанется с ней без сожаления, едва вспыхнут отношения с очередной особой, заманившей его в постель. Как я в своё время, уличит себя Нилю. Не он выбрал, его выбрали, утвердится в знании этого она позже. Хорошо, надо признать, не залёживается без женского внимания. Всеяден, однако. Банально и пошло складываются у него с женским полом. Где романтика, влюблённость, инициатива?

Не пройдёт и полгода их близости, Нилю забеспокоится. Обследует у женских докторов. Она без расспросов с их стороны выкладывала врачам всё про своё состояние. Те брюзжали себе под нос. Обследовав на кресле, на УЗИ, смягчались, не находили патологии, в один голос требовали спермограмму партнёра. Добровольно не сдаст, огорчала их пациентка. А вы хитростью заполучите, подскажет одна доктор, научит как, но ничего не получится...

Врач предложит не ждать естественного зачатия, почка торопит, попробовать искусственное осеменение. Чтобы не отпугивать пациентку, доктор назовёт эту процедуру ЭКО. Чудодейственная технология ЭКО была на устах у бесплодных пар, последняя их надежда. Нилю не разбиралась в медицинских нюансах. Врач порекомендует ЭКО со спермой донора. Нилю не воспринимала столь авангардную идею. Скотский способ. Таким макаром коров на фермах осеменяют, разозлилась Нилю. Выберем донора, внешне похожего на вашего партнера, уговаривала врач, будет вам алиби. Ты не от анонима, от достойного мужчины родился, которому, скажете ребёнку, обстоятельства помешали на вас жениться.

Пациентка вроде бы согласилась. Гинеколог определился со стимулирующим подготовительным курсом. Нилю закупила таблетки, читала медицинскую литературу. Спокойно подготовиться к зачатию с использованием донорской спермы всё же не смогла, не захотела. У брата образовался цикл проблем в колонии. Начался забег по инстанциям. Асхат появлялся редко, близость пошла на убыль. Нилю инициировала разрыв: «Я больше не буду скрываться, подпольные отношения не для меня. Стыдно перед подругами, соседями. Проверяться у врачей ты не хочешь. Афишировать отношения не хочешь». Асхат покинул её с легким сердцем: понятливая, сама сошла с его орбиты.

Жизнь Нилюфар до диагноза текла от праздника к празднику по схеме: дневные заботы, ночные думы. Она много работала. Содержала дом. Ездил к брату. Ухаживала за матерью. Никакого интима, флирта, не с кем, некогда. На выходных встречалась с подругами, вдоволь общалась, избегая разговоров о мужьях и сексе, золовках и свекровях. Не хотела притворяться, что искусна в этих сторонах бытия. Предпочитала общаться с себе подобными, у которых «бир кам дуйё»¹: с незамужними, разведёнными, брошенными. Внутренняя работа души, в отличие от пресной внешней, была нещадной.

Наступил день, когда устоявшийся ритм сломался. Нилю должна была пройти рутинную процедуру — смотровой кабинет. Участковому гинекологу что-то не понрави-

¹ Буквально: «мир без одного»; иначе: «в жизни всегда не достаёт чего-то».

лось при осмотре зеркалами. Врач выписала направление в клинику, настояла, чтобы пациентка прямо сейчас поехала туда. Она рванула туда, в тот же день попала к тамошнему женскому доктору.

Доктор Самигулов велел сделать анализы по длинному перечню, прийти с результатами через две недели. На повторном приёме он не смотрел ей в глаза. Она следила за каждым движением врача, чтобы поймать его взгляд. Глаза доктора сказали бы ей правду без утайки. Не отрываясь от листков, мужчина ограничился: «У вас плохие анализы». Диагноз под вопросом подтвердился. Если бы док спросил, когда запустился необратимый процесс, пациентка назвала бы точную дату: год назад, 18 февраля.

Итак, у неё болезнь, название которой, ни глядя в лицо, ни шушукаясь за спиной, не произносят открытым текстом. После «у вас плохие анализы» Нилюфар зашкалило, гулкое дыгдыг-дыгдыг-дыгдыг на бешеной скорости неслось в груди, верхние и нижние конечности заплясали. Пациентка вытащила маленький термос, напоминающий металлическую фляжку. Самигулов всем корпусом потянулся к ней:

— Коньяк?

— Чай с вареньем.

Пациентка дрожащими руками открыла крышку, выпила. Тремор унялся. После полуобморока в супермаркете она не выходила на улицу без чая. Нилю с детства была равнодушна к чаю, помнит, когда родителей не было рядом, подставив табурет, в трехлетнем возрасте дотягивалась до верха холодильника, тогда холодильники не были выше человека, брала бутыл с подслащенным теплым питьём, выдувала половину через резиновую соску. Ребёнок осознавал, опустошенную бутылку мать заметит сразу, наполовину пустую — не факт. Мать запрещала трогать чай, приготовленный для малютки-брата, но запретный плод сладок. Она отчётливо помнит до сегодня ощущение соски во рту, вкус самого приятного напитка на свете, радость в животе.

— Чай можно, не крепкий.

— Не крепкий, — Нилю сыграла в сдержанную женщину, для которой ожидаемо услышать страшный диагноз.

— Думал, коньяк. Вам категорически нельзя алкоголь, крепкий чай, кофе, белый хлеб, картошку, рис, макароны.

Самигулов, на минутку, не просто консультирующий доктор, виртуозный хирург, говорит тихим голосом, как бы только себе. Чтобы услышать приглушённый баритон, надо вслушиваться. Вслушиваться получалось, если пациентки оставались спокойными. Они старались сдерживаться. Док вызывал доверие. Армия женщин прорывалась к нему каждый божий день, он даровал спасение. Пациентки, молоденькие и возрастные, обожали его, считали красивым: синие глаза на фоне белых висков, опавшие от хронической усталости плечи, манеры врача в классическом понимании, ни резкого слова, ни топорных манипуляций. Доктор-джентльмен. На вопрос подруг: «Ну, как, врач понравился?» — Нилю отшучивалась: «Не только на кресло, под него лечь готова».

Мужчина то ли всерьез встревожился, женщина хапнет коньячку, опьянеет, слаба всё-таки, то ли удачно сострил. Обстановка разрядилась, пациентка миновала стадию истерики. Забавная реакция врача помогла Нилю сглотнуть диагноз. Самигулов пообещал, лечение если не орановит, то замедлит процесс. Пациентка поверила. Док выписал направление на рентгенотерапию, рецепты. Объяснил, как будет проходить процедура, какие меры гигиены она должна соблюдать, как питаться, на какие симптомы обращать внимание.

С направлением на руках Нилю разыскала радиологический корпус — старенький, одноэтажный, вдали от основных зданий клиники. Прошла первый сеанс лучевой терапии. Не страшно. Заходишь в глухую, без окон, комнату, освещение искусственное, посередине громоздится сооружение. Оголяешь место облучения, ложишься. Ложе медленно подымается, сверху опускается хобот, его конус устанавливают на место, которое будут бомбардировать излучением. Остаешься один на один с громоздким монстром. Врач, медсестра уходят в комнатку сбоку, запускают аппарат, наблюдают в окошечко. Сооружение едва слышно гудит. Никаких болей, дискомфорта.

Неприятные ощущения начались дома. Есть не хотелось, желудок принимал только ряженку, в которую мать тёрла зеленое яблоко. Передвигалась, разговаривала на автомате. Вроде ничего не беспокоит, но тело не принадлежало ей, вибрировало изнутри. Голова жила отдельно от тела. Ходила как зомби, хотя окружающие перемены не замечали. Она привыкла подавлять тело, подчинять воле. Долго не разрешала себе раскваситься, клялась, и эту хворь преодолет. Но объединившись, диагноз и лучевая терапия сломали её сопротивление. После четвертого сеанса Нилю вырвало, да так круто, что увезли в интенсивную терапию. Откачав пациентку, врачи курс рентгенотерапии продолжили.

Онкологический диагноз — мина замедленного действия. Он включает обрат-

ный отчёт: тик-так, тик-так, тик-так. Нилю зачистила в больницу по разным поводам. Лежала на кровати с иглой в вене на локте или щиколотке, уткнувшись в потолок — привычная поза хроника, боковым зрением считала, сколько в запасе осталось дней. Капли беспристрастного таймера тикали злоеще. Она боялась пропустить медленно выпадающую из горлышка флакона очередную каплю. Подсчитать, сколько осталось жизни, не получалось. От сосредоточенности на сползающих по прозрачной трубке каплях, растекающейся по телу умиротворяющей инфузии, Нилюфар расслабляло, она или мирно засыпала, или плавно переключалась на думы, почему жизнь сложилась так, как сложилась, почему не выпала выигрышная лотерея. Обрывала себя, гасила грустные мысли. Они упорно думались.

Пелена спала. Асхат извёл веру в благородство, убил надежду на счастье. Почему не открылся, мысленно она корила его. «Я б приняла твое решение, бросилась в отношения с другим», — сотни раз твердила ему. Что он позволял себе о ней думать? Если у него другая, неужели думал, она встрянет между ними? Ронять себя до их «высокого» уровня? Открылся бы честно, не пришлось бы невзначай, что гораздо больней, услышать, как крепко он несвободен. Стоп, прекращала негодовать Нилю, ты кто, докладываться ему тебе. Тётка с проблемным здоровьем. Даже бывшей нет права назваться. Что между вами было-то? Интрижка в полтора года длиной.

Насчет с головой в омут отношений с другим Нилю вראה себе. Когда отношения с Асхатом сошли на нет, она занялась поисками. Нилю знакомили, сводили, объявления давали. Какой-нибудь пункт её данных отпугивал потенциальных женихов. Отозвался на призыв один Абдулрнат. Она побоялась сойтись с ним, о чём втайне жалела. После 18 февраля Асхат стёрся из Нилюшкиных мыслей до нуля. Чёрной дыры с отрицательным давлением на том месте не образовалось; все, что с ним связано, зарубцевались безразличной пустотой.

Сойдись она с Абдулрнатом, не исключено, забеременела бы. Он точно не предохранялся бы, успела бы забеременеть, мучила она себя. Теперь, с онкодиагнозом, претендовать на роль жены бессовестно. Подруги считали иначе, хотя с Нилюшкиным — куцым — багажом отношений заманить мужчину в мужья будет трудно. Лера посоветовала подруге учиться пикапу на модели Кичи...

Девушка с ребёнком, к которой переметнулся Асхат, опытная волчица, скажет ей Лера, когда сообщит об их общем сыне, настоящая бета-самка. Почему бета, спросит Нилю. Альфа — это самцы, объяснит подруга. Родив сына, она смыла грехи, защитит бету Нилюфар. Верно, согласится Лера, ради ребёнка можно всё простить и женщине, и мужчине. Понимала, после цепочки стрессов с Асхатом, с Абдулрнатом, с братом, с работой на Нилю свалилось недомогание, обнаружилась беспардонная онкология. Опухоль у пожившего, состоявшегося человека — полбеда. Опухоль у ещё молодой, не реализовавшей себя женщины — горе вдвойне.

Нилю теперь жила дома в перерывах между лёжками в больницах. Знакомые ринутся навещать, некоторые проявлять заботу. Как узнали, если мать и Лера всячески оберегали секрет Нилю? Навещать заболевшего, младенца в том числе, укоренившаяся на генном уровне народная традиция. В случае Нилю это было не дань приличиям, это был искренний порыв. С детства болезненной и незадачливой, судьба ей редко улыбалась. Она нашла выход — уходила из действительности в мечты. От грозного диагноза не скроешься нигде. Он настырный, ежедневно подлым образом заявляет о себе.

Лера займётся организацией лечения: нужные препараты, нужные контакты, нужное питание. Абдулрнат завалит сурами из Писания, купит часть лекарств. Толик послужит добродушному делу машиной, будет возить ослабевшую Нилю по клиникам. Лерин брат закачает в сборник композиции, Лерин отец передаст литр сивухи, по слухам, весьма полезной в борьбе с онкоболезнями. Сноха-турчанка затарит овощами, фруктами.

Нилюфар разыщет Севара. Бывшие одноклассницы заново воссоединятся, начнут перезваниваться. После выписки из больницы Севара предложит скрутить в узелок её проблемы, угостить этим тугун чучвара (пельменями) работниц ближайшей почты. По правилам, угощать надо небогатых, то бишь бюджетников. Считалось, ритуал помогает развязать жизненные сложности. У Нилю, помимо нездоровья, начались нелады с работой. Процедура мало помогла, но переменяла настроение. Ей захотелось жить.

С Асхатом они случайно пересекутся в городе, он подвезет до дома. Нилю начнет расспрашивать о делах, родителях, здоровье. Глядя строго на дорогу, обоими руками вцепившись в руль, мужчина выпалит: «Отца похоронили». Из глаза выкатится слеза, поползёт по щеке. Мужчине не смахнёт её, руки заняты. Никогда «луз контроль», никогда на эмоциях, глядь — слёза. Нилю поможет ему справиться с волнением, переведёт разговор на себя. Признается: примерно в то же время, разминувшись на неделю, в той же реанимации, что его отец с инсультом, она лежала среди коматозников, прошла

через облучение. Он «мне жаль» не выдавит. Не стоило про реанимацию говорить, упрекнёт она себя, не дано мужику проникнуться, какво это — репетировать уход. Ему отца жаль до слёз. Нилю расспросить не удосужился.

Из реанимации Нилю выведет эфиопским бегуном на длинные дистанции: кожа да кости, огромные темные глазницы, губ нет, длинные усохшие ноги, выпирающие плечи, локти, в подключичных ямках уместится куриное яйцо, не разобьётся, если Нилю вздумает идти. Худоба оказалась временной, начались отёки. Моча в голову стукнула — про неё. Жидкость почкой не отфильтровывалась в мочу, не выводилась из организма. Наполненные до отказа кровеносные сосуды от высокого напряжения взрывались ужасной головной болью. Выпирающие щиколотки и ребра скрылись под заполнившей подкожные ямы жидкостью. Она переродилась в слонику: большой живот, мощные бедра, налитые икры, обувь не подобрать. Кожа натянута до блеска, ещё капля, треснет. От перегруза ныло сердце. Внезапно наваливалась немощь.

Первый раз слабость прихватила в супермаркете. Нилю набрала продукты по списку, который вертелся в голове, подошла к кассе. Небольшая очередь. Ни с того, ни с сего прошиб озноб, в груди задребезжало. Она разрывает упаковку неизвестных ей доселе круассанов. На самом деле, пронесётся мысль, привычные рогалики, больше размером, и сгущёнка вместо домашнего абрикосового варенья с косточкой, которую она кладёт в начинку, когда печёт их. Нилю заглатывает круассан целиком. Зажав пакет, подходит к кассе, хочет извиниться, объяснить, что разорвала упаковку заесть дурноту. Кассир внимательно смотрит. Она приоткрывает рот, артикулирует. Слова не произносятся. Руками сопровождает немую речь. Беззвучную пантомиму украшают слёзы ручьём.

Почудилось, сейчас рухнет на колени, лоб уронит на пол, повалится на бок, захрипит, как загнанная лошадь. Нилю не упала, держалась стоя из-за горького стыда. Что подумают покупатели? Женщина среди бела дня падает, как подыхающая скотина. Не иначе, как пьяная в стёлку. «Я пробью», — въезжает в ситуацию кассир. Покупательница не возьмёт в толк, сколько должна заплатить. Кассир несколько раз медленно, с расстановкой называет сумму. Нилю дрожащими руками достаёт деньги, вываливает. Кассир отбирает нужную сумму. Расплатившись, кое-как запикивает продукты в сумку, деньги в кошелек. Наконец она минует кассу.

Слёзы льются безостановочно. Мечтает дойти до скамейки. Скамейка уже видна. Ей удаётся дойти до скамейки, сеть, поест круассанов. Склонив лицо, много прохожих, а разревелась пуце. Ей стыдно за то, что перед кассой тряслись руки, как у старушки с паркинсоном, что, словно глухонемая, не способна была объяснить словами. Что ревет на виду у всех. Что в критическом состоянии делает покупки. Что нет никого рядом. Стыдно за крепнущее нездоровье. Люди не должны быть настолько бессильными, разве что в реанимации или на смертном одре. Она не такая уж старая помирать.

Круассаны сделали доброе дело. Слёзы прекратились. Трясучка прошла. Нилю самостоятельно добралась до остановки. Долго отдыхала, наслаждаясь свежим воздухом, видами города, суетящихся прохожих. Благодарил опаздывающего водителя: молодец, благодаря его необязательности вернётся домой не с заплаканным лицом. С того дня не расстраивалась, если нужный маршрут не выдерживал графика. Пропускала слишком набитый транспорт — законный повод посидеть на остановке. Без уважительной причины «загорают» обычно бомжи и бездомные псы. Она — приличная девушка.

Надо было петлять по махалле, время занять. Нилю спросит равнодушно, сходили ли они с Олей в ЗАГС. Мужчина попытается отвертеться: «А что?» В голове Нилю пробежит, застучит, закипит. Grimаса боли исказит лицо. Она пальцами сдавит виски. Ей было начхать, что он ответит, лишь бы не заговорить от боли при нём: «Я просто спросила. Хочешь, не отвечай». Он буркнет сухое «да». Через пару минут боль притупится, она расплачется. Попросит остановить в начале проезда: пройгись, успокоиться, скажет она ему. На самом деле она не хотела, чтоб соседки рассмотрели, с кем она в незнакомой машине разъезжает. Перед Абдулренатом было бы неудобно, если увидит Асхата, он обещал прийти, принести книги, травы. Он всюду являлся заблаговременно.

Она выйдет из машины, наклонившись к окну, процедит сквозь слёзы: «Не знаю, сколько осталось: три месяца, три года или тридцать три. Увидим. А ты живи, следи за здоровьем. Знаешь, как в больнице нужен близкий человек? Не ради себя если, ради родных следи за здоровьем». Уйдёт, вопрошая, заметил ли, как она сегодня выглядит? На ней будут модные брюки, туника из индийской марлётки. Она себе нравилась в этом прикиде. Высунув голову в окно, Асхат проговорит ей в спину: «Всё было искренне».

— Что было «искренне»? — Нилю перескажет разговор с Асхатом Лере. Та фыр-

кнет. — Что предохранялся? Что не знакомил с друзьями? Пройтись с тобой под руку стеснялся? Он хоть раз тебе сказал: «ты мне по сердцу»?

— Не заслужила.

— Пожелал: «пусть другой сделает тебя счастливой»? Хотя бы от души — «береги себя, не болей» — сказал? Что ты ему на прощание сказала?

— Живи, следи за здоровьем. У тебя есть за кого отвечать.

— Фу, какие правильные слова...

— Я правда так считаю.

— Ну-ну. Что обходишься без ничьей заботы, сказала?

— Зачем? Он чужой альфа-самец. Мужчина напрокат даром не нужен. Мы давно посторонние. Правда, он мог хотя бы посочувствовать, — искала Нилюфар поддержку в однокласснице. — Жены, наверное, боится.

— Её же не было в машине.

— Эта на расстоянии учует другую. Я тоже виновата, не выразила соболезнование по поводу отца.

— Да брось ты! Мужу жаль отца, верю. А то, что ты чуть концы не отдала, его не колышет. Эгоист хреновый!

— Нет, он хороший, надёжный.

— Ну-ну, «надёжный». Он зубки тебе заговаривал, когда вы встречались.

— Да, есть немного. Говорил, ему шестьдесят лет хватит, никогда не женится, не в смысле на мне, вообще не женится. Похоже на правду было, рассказывал, родной дядя — боббль. Уверена была поэтому, он только со мной... трется. У него что-то не срослось с первой любовью, умерла. Что ли, из-за этого жениться не хотел. Я в душе его жалела: герой, наложил на себя обет, — опередив вопрос Леры, пояснила: — Отказ почек.

— Серьёзно, тоже почки?

— Совпадение, бывает.

— Во тянет мужика на проблемных.

— Оля — не проблемная.

— Она же с «приданным»?

— Поэтому боролась за него. Чувствовала, он будет хорошим отцом пасынку.

— Конечно, конечно. «Боролась» она за него. С тобой она боролась. Забыла, как заявлялась к тебе? Почему ты не устроила скандал дома у Асхата или у этой Оли?

— Скандалить? Я ведь не знала, что они...

— Спят.

— Живут.

— А она вычислила тебя! Можно, если хочеть. Это ты комплексуешь, а они вдвоём унижали тебя.

Нилю не подозревала о существовании Оли. Когда их ночные встречи прекратились, приятельское участие в её проблемах Асхат принимал ещё год-полтора. По привычке, не так чтобы часто, она обращалась к нему, если возникали бытовые неполадки. Не было прикормленных мастеровых, нанимать случайных не рисковала. Денег пригласить мастеров хронически не хватало. Не так чтобы оперативно, он отзывался на просьбы, чинил компьютер, сантехнику, розетки. Нилю напирала, теперь они не посторонние, она обязана заплатить за работу. Уступая ей, он брал деньги, количество которых, Нилю догадывалась, не покрывала трат на расходники.

Канал рыцарской поддержки перекрыла Оля. Однажды Нилюфар обогнала юркая женщина, остановилась возле её ворот. Незнакомая женщина явно поджидала Нилю. Она узнает, женщина пасет её второй день. Сосед доложит, вчера тебя эта девушка искала, нашла, кто такая, когда Нилю выйдет на улицу провожать гостью. Унюхал, проныра, что визитёрша на разборки приходила. Троюродная сестрёнка, «утолит» его любопытство Нилю, сводная, по папиной линии, от первого брака дяди.

Нилюфар собиралась пройти мимо, мало ли кто на улице стоит. С ней заговорила незнакомка:

— Нилюфар?

— Да.

— Я к вам, — не дав что-либо осмыслить, женщина выпалила: — Я Оля, почти жена Асхата.

«Почти жена» прозвучало двусмысленно. В замешательстве Нилю перебила гостью:

— «Почти» — это как? Что-то новенькое.

— Вы мешаете нам пожениться!

Нилю не поняла, что имеет в виду гостья. Про себя усмехнулась, мог бы более заметную найти. Курносенькая, глаза навывкате. Щитовидка? Если щитовидка барах-

лит, неуравновешенная, то есть страстная, поэтому запал? Укладка безупречная, но завитые волосы к круглому лицу — перебор. Моложе. Не катастрофично. Её возраст, Нилю знала, сложно определить из-за худобы, ровной кожи. Асхат тоже не разобрался сначала.

— Я живу с Асхатом. Представили друг друга родителям. Тут вы со звонками. Он всё бросает, едет к вам.

Обвинение было конкретизировано. Нилю не удивилась, не возмутилась. Она не была расположена вступать в диалог, но не пригласить гостью в дом неприлично, как неприлично не внять укору. Его следовало либо подтвердить, либо опровергнуть. Не то будет сторожить до окончания века, развлекать любопытных соседей.

— Вы пришли поговорить со мной? Проходите.

Нилюфар вставила ключ в ворота, распахнула их, на правах хозяйки пригласила незнакомку пройти вперёд. На удачу, матери не было дома. Пока она заваривала чай, гостя рассматривала зал-гостиную: ничего респектабельного, однако по цвету палас, вышитые подлокотники на креслах, скатерть, настольные часы гармонировали между собой. Нилю вынесла на подносе чай, печенюшки, поставила на журнальный столик, накрытый вязаной ажурной скатертью. Уселась в кресло напротив Оли. Устраивать разборки — устала за день. Перешла без вводных слов к сути:

— Вас интересует, спим ли мы?

Нилю приготовилась было ответить честно. Встретившись глазами с непосредственной барышней, которая ходит по следам мужика в гости к его бывшим, передумала.

— Ему нравятся высокие брюнетки. Вы знали об этом?

Гостя, невысокая русая шатенка, вжалась в кресло. Пусть понервничает, злорадствовала Нилю, на земле она не единственная женщина. «Добила» соперницу:

— Вспомнила: вы его секретарша?

«Секретарша» воспринимается оскорбительнее «секретаря». Гостя уловила уничижительный момент, отвернулась к окну. Обязанность секретарши, Оли, быть в услужении. Она, Нилю, хозяйка сама себе. На этом комплименте себе злорадство иссякло. Напугала гостью, чтоб нюх не теряла, ухо держала остро — большего ей не надо. Асхат котировался у женщин. Лера говорит про таких: «пахнет мужчиной». Его новой пассивности нельзя расслабляться, если у неё далеко простирающиеся виды на него.

— Временно, — почти жена приняла вызов. Затараторила, оправдываясь: — У меня специальность, как у Асхата. Будем расширяться, перейду на должность.

— Расширяться? Сейчас чаще сокращения.

— Асхат своё дело открыл.

Нилю не поверила ушам: мужчина пустился в свободное плавание? О да: за невзрачной внешностью прячутся большие амбиции. Оля не подцепляет мужиков, она цепляет — вдохновляет? — претензиями, ожиданиями, провокациями. Нилю решила сдаться без боя.

— Могу сделать экспертизу, как давно у меня была близость с мужчиной.

Как иначе она могла уверить Олю, что не спит с её почти мужем? Лера рассказывала занятные медицинские байки, в том числе как мужа приводят жен на разного рода экспертизы. Оля сползла по спинке кресла. Выдохнув, повеселела, защebetала о дружбе мужчины и женщины. Разговор потёк в удовлетворяющей для почти жены тональности.

О какой дружбе речь, скрытно для гостя усмехалась Нилю. Между мужчиной и женщиной или деловые, или любовные отношения, третьего не дано. Не прерывала рассуждения Оли, хай заблуждается. Слушала. Проявлять эмоции при хронической усталости невозможно. Нилю стыдила себя, не знала ещё, устаёт от разгулявшейся хвори, не от дурной привычки чувствовать себя усталой. Она — бимор¹, больная. Большой легче прощать, чем негодовать. Прощать — не заслуга, это слабость, бессилие.

О каких постоянных звонках, о чём это она, недоумевала Нилю. Вслух не роптала. Раз в два-три месяца возникала проблема. Дефолты, инфляция сжирали зарплату, пригласить мастера — не по карману. Соседи мужским рукоделием не владели. Асхат обещал прийти в назначенный день, не приходил, Нилю по простоте душевной звонила, напоминала. Думала, мужчина свободен, иначе бы не звонила, даже если земля разверзнется под ногами. Мешать союзу двоих ниже достоинства уважающей себя женщины. Себя она уважала, не допустила бы падение. Асхат порой серьёзно подводил Нилю. Обещал передвинуть мебель, не пришёл. Она занялась перестановкой мебели сама, потянула спину. Две недели ходила с прямой спиной, как солдат из почетного караула. Малейший поворот головы в сторону, вниз отзывался острой болью во всем теле.

¹ «Бимор» — с арабского: «без змеи», без зла.

Обвинения Оли были несправедливыми. Нилю не выгораживала себя, дружелюбно вела беседу, хотя переживала позорище. Она тормозит счастье другой женщины! Мешает паре пожениться! Мужик давно и прочно сожительствует с секретаршей, а она, тётка без грана положенной ей по возрасту интуиции, не догадалась об этом. Звонить несвободному мужику, просить об одолжении, пусть незначительном, нет, наоборот, именно о незначительном одолжении, полное разложение. Оля была в курсе всех случаев, когда мачо за «спасибо» выуживал Нилю из бытового коллапса.

Заботливая, мать её за уши, почти жена Асхата передала ново-пассит Нилю, «когда у вас были проблемы с братом». Она-то думала, мужик благороден до мозга костей, самостоятельно забежал в аптеку по пути к ней. Восторгалась. Ново-пассит в разы дороже пустыряника. Какая честь! Не жалели средств. Нилю не могла не похвастаться чуткостью Асхата, рассказала про предусмотрительно захваченные капли. Лера радовалась за подругу, какой внимательный мужчина, не упустил из вида, что его женщина в напряге. Оказалось, внимательная, даже слишком, его Оля; ничто не проскачет мимо её курносого носика.

Нилю передернуло от брезгливости. Асхат обрисовал Оле её нервной особой? Ей о новой пассии ни слова. Как посмел обсуждать её с кем бы то ни было? Тем более с любовницей. Нилю представила, как они нежатся в постели, звонит телефон, Асхат одевается, оправдывается, дескать, одинокая больная женщина просит, образовался форс-мажор, должен помочь. Любовница предлагает захватить ново-пассит. Нилю озаряет мысль: Оля успокоительные капли для себя купила, ей они достались по стечению обстоятельств. Почти жена легко возбуждается. Кроме постели, на работе, в быту, в социальном общении возбуждение скорее минус, чем плюс. У Оли не всё в норме, слаженный, однако, дуэт с Асхатом учредила. Лера права, оскорбляли они её мастерски. Впоследствии у Нилюфар выработается рефлекс взрываться от рекламы ново-пассита.

Гостя призналась: «мужчины меня обижали». Почему во множественном числе? Она же сказала, с мужем почти развелась, опять почти. Кто, кроме него? Как можно, не порвав с одним, кувыркаться с другим, анализировала поступающую информацию Нилю. Поинтересовалась:

- Как муж реагирует? Знает?
- Да. Мы разводимся. Пьёт, — выложила своё оправдание Оля.
- О да! Асхат в этом плане — верный выбор.

У Асхата от выпивки болела голова; пил редко, лишь когда надо было устаканить договоренности по проектам. Задать прямой вопрос, куда делся муж, если они живут у неё, у Нилю не хватило наглости. Ей хотелось выяснить, кого она поменяла на Асхата. Как это выяснить? Пришло в голову начать с косвенных пунктов:

- Кто муж по национальности?
- Белорус.
- Не жалко?
- Пропаций. Сам виноват. Никто в рот водку ему не заливает. Натерпелась я от него!

Нилю вообразила высокого светлого юношу, недоросля без злого умысла и без правильных жизненных устремлений. Поженились, выходит, в двадцать с небольшим. Судя по всему, по залёту сына родился. Парень не мог быть алкашом в момент женитьбы, стал им в браке с ней, однозначно. Нилю мысленно сочувствовала официальному мужу секретарши, еще одному потерпевшему в этой истории. Их, бывших, отпихнули без сожаления. Отпихнули небезосновательно: очевидные дефекты.

Нилю задавала вопросы, Оля отвечала, Нилю показалось, честно. Догадалась, пора честь знать, некрасиво засиживаться у невинной женщины, в чём убедила её Нилю. На следующий день она побежала к Лере делиться впечатлениями о встрече с почти женой Асхата.

- Представляешь, я думала, такое только в кино бывает.
- Бойтсся тебя. Ты — не ноль без палочки, соперница.
- Какая соперница? Друзья! По её версии.
- Наверное, Асхат не рассказывал ей о тебе как о бывшей. Еще раз, как ты ей сказала об экспертизе?
- «Могу сделать экспертизу, как давно у меня была близость с мужчиной».
- Ну, ты интриганка! — Лера приподнялась из-за столика в кафе, обняла подругу.
- Хвалю: «близость с мужчиной».
- Приятно. Хоть кто-то оценил.
- Лучше бы Асхат оценил твою стоимость.
- И какая мне красная цена?
- Ты была бы ему верной, будь у него хоть целый гарем. Он всегда бы мог к тебе прийти, переждать сложные времена. Запасной тыл называется?

— Ты меня на скамейку запасных записываешь.
 — Зато честно.
 — Оля точно не запасная. Молодая, а сколько успела, — Нилю знала фактический возраст Оли, та проговорилась. Между ними пропасть в годы и годы. — Муж, ребёнок, развод, второй муж.
 — Что ты хотела? Борзая, секретутка высшей пробы.
 — Кто-кто?
 — Секретутка, профессия такая. Секретарь и, прости господи, утка в одном флаконе.

Лера с первой попытки угадала, кто есть Оля по призванию, Нилю сообщили на вахте. В критической ситуации Нилю заняла деньги у Асхата. Скопила нужную сумму. Щепетильной женщине не терпелось вернуть долг. «Вернуть» вылилось в головоломку. Она писала СМС, названивала. Тщетно, короткие гудки. Он блокировал её. Звонкая пощечина! Выкроив время, Нилю поехала в офис Асхата, хотела пройти. Вахтерша у входа прозаично разъяснила, самого нет, если по срочному делу, пройдите в 302-й кабинет, то ли жена, то ли секретарша его там сидит, скажет, когда будет.

Нилю не поднялась на третий этаж. Весь обратный путь смеялась, как комедийно узнала про Асхатову то ли жену, то ли секретаршу. Мужик, который терпеть не мог женщин в отделе, доселе обходился без секретарей, на тебе, завёл. Мощная сила — секретутки. Колоссы не устоят. Да пошёл он! Никаких звонков, никаких просьб, заклинала она себя.

Если женщина заняла деньги или нечто в долг, восточный мужчина не будет требовать возвращение долга, тем паче если это одинокая или больная женщина. Асхат простил бы ей долг, безусловно, не из-за диктата приличий или того, что сумма не велика, а из-за мужского кодекса чести. Деньги жгли ладонь Нилю: ей от чужого ничего не надо. Она — не его забота.

Подруги обсуждали комедию, разыгравшуюся на вахте, в кухне кафе.

— Забудь. Знамо дело: поматросил и бросил, — в отличие от Нилю, Лера сама покинула Лёху. — Сплошь и рядом сия мелодрама, — чтобы не обидеть подругу, деликатничала Лера.

— Ты же знаешь, я не просила взять замуж. Я хотела, чтобы он сделал ребёнка. Никаких обязательств.

— Ах, без обязательств, говоришь? Ребёнка от тебя? Да он стеснялся тебя! Какой ребёнок?!

— Наедине не стеснялся.

— Ты слышишь себя? Наедине?! — Лера от досады хлопала себя по бёдрам. — Если парень не выходит с девушкой на улицу, он её стесняется. Вы, как партизаны, в подполье встречались. А махалля знала.

— Кошка дорогу перебежала, — встряла в разговор Лерина мать. Они пили чай втроём в кухне.

— Не кошка, мама, голодная волчица. За самца глотку перегрызёт.

— Поэтому она с мужиком, а вы одинокие.

— Мама, о каком мужике речь? Пробольтаться о Нилю по-мужски? Почему Нилю про сожительницу не открылся, откровенный ты наш?

— Действительно, тётъ Марина. Если бы сразу поставил в известность, я бы ни за что ему не звонила. Я звонила иногда на домашний, отец брал трубку. Однажды так меня отчитал, я три дня плакала, шаталась, давление подскочило. Как вспомню, стыдно становится. Он уже с ней жил. Прямо не сказал, а я сама не допендрила.

— Родители его дали, ну, той, которая приходила, твой адрес? — Лерину мать интересовало, как в большом городе отыскать человека, не зная адрес.

— Нет. Расспросила водителя из офиса. Он подвозил, оказывается, Асхата ко мне несколько раз.

— Класс! Во даёт баба. Всех работать на себя заставила.

Вытащив из холодильника сок, Лера увела подругу: «Здесь жарко, мам, мы в зал». Взрослым девочкам надо было поговорить одним.

— Допустим, замуж за него не мечтала. Открыто о ребёнке говорила?

— Да.

— Он что?

— Против был. Прямо говорил: «Я против твоей идеи иметь ребёнка». Здоровье не то, на тяжелые времена ссылался, на кризис.

— Увиливал. Если Бог даёт ребёнка, даёт на прокорм ему, — изрекла известную истину Лера, — так мама говорит.

— Я тоже так говорила. Мама помогла бы, поняла бы меня.

— Единственное, в чём он виноват, не сказал тебе, что ребёнка мастерить не в его планах было. Ни вначале, ни после. Прямо сказать — грубо. Он же благородный, с од-

нопочечной овцой связался. Пошёл окольным путём, предохранялся. Ты, дурында, не догадалась.

— Ты не говорила.

— Спрашивать надо было. Не могла я нос совать в ваши отношения.

— Каждый день корю себя, плачу. Поздно. У меня нет ничего впереди.

Лера прекрасно была осведомлена о состоянии подруги, солидарна была с мыслью, ребёнка ей уже не родить. В беседах придерживалась делового, нарочито резкого стиля, чтоб подруга не раскисала. Она больше Нилю надеялась, возможно, у подруги сложится, увы, бездетный, вероятно недолгий, но прочный союз с понятливым мужчиной, который, даст Бог, окружит заботой, продлит тем самым жизнь. Верхом грёз касательно Нилю было погулять на свадьбе их приёмной дочери.

— Вы же больше года встречались? Если в течение года при обоюдном желании супругов беременность не наступает, пару ставят на учёт по бесплодию. Знала?

— Нет. Думала, причина в почке. Врачи предупреждали, почка не выдержит нагрузку, торопитесь, говорили.

— Врачи по женской части вроде проблем не находили?

— Удивлялись, что всё в порядке. Торопились. Стимуляцию проводили, — Нилю сглотнула, будто тошнота навернулась. — Уф-ф, гадость эта стимуляция, мутило по утрам. Лежишь, вроде не тошнит. Ещё не встала, только села, уже выворачивает. Целый день рвёт, хотя я голодная ходила.

— Поздравляю. Токсикоз без беременности испытала. Хоть что-то. Он, конечно же, не проверялся?

— Зачем спрашиваешь, если знаешь?

— Почему меня не расспросила, овца? — заорала Лера.

— Почему ты не спрашивала, как у нас? — в ответ заорала Нилю, отняв ладони от бледного лица. Виновато поникла головой.

— Стеснялась, представь себе! Не только тебе стесняться дано, — с ухмылкой подвигала вправо-влево головой Лера. Произнесла уже остывшим голосом: — Думала, всё в порядке у вас. Ты же скрывала всё.

— Стыдно рассказывать было, — еле слышно проговорила Нилю.

Лера чувствовала вину за эту нескладуху у Нилю.

— Сколько вы были вместе?

— Полтора года.

— Всего. Простота хуже воровства. А с курвами постоянный адреналин. Мужчины — многослойный пирог. Ты по поверхности скользила, не замечала мути. Мужчина не должен каяться; уличили — пожалуйста. Чуют — твой долг. Но... — Лера замолчала.

— Давай уж до конца. Что за «но»?

— Не понимаю, как можно тебя обманывать? Это как ребёнка.

— Можно, оказывается.

— Нилю! Старайся, живи. Начхать на них. Хотя бы для меня живи, хоть где живи.

Лишь бы знать, ты есть у меня.

На подобные возгласы не отвечают. Нилю ответила:

— Я знаю, ты у меня есть и будешь. С ним я стеснялась настаивать.

— Пойми, никто не будет за тебя бороться, за твоё счастье. Мне больно за тебя. Я даже уехать из-за тебя не могу.

— Как «уехать»?

— Что мне ловить здесь? Найду иностранца, понравится, уеду к нему.

У Нилюфар защежит сердце. Преданная подруга оставит её одну. Она захлопнулась, отпустила подругу рулить к намеченной гавани. Нишу исповедника займёт Абдудренат. После неудачного сватовства они станут предельно искренними в общении. Он ей втолкует, на однопочечных женщинах нормальные мужчины не женятся, неизвестно, как будет со здоровьем дальше. Какой мужчина не хочет продолжения (себя) рода? Ты не брала в расчёт его мотивы, подтвердит он слова Леры:

— Он же татарин? Мусульманин наполовину.

— Наполовину кто?

— Европейец. У европейцев принято спрашивать у мужчины, хочет он совместного ребёнка или нет.

— Он прекрасно знал, как сильно я хочу, зачем спрашивать?

— Ты загнала его в угол. Как мужчина, как мусульманин, он не оставил бы вас без поддержки, родись ребёнок. Совесть замучила бы. Дело не в расходах. Одинокая больная женщина с твоим ребёнком на руках? У последнего жлоба совесть взывает. Никто тебя в качестве жены не рассматривал. Извини.

Маленькими фашками-увещеваниями Абдудрената, Умида опы, матери, Нилю за полтора года до финального экшена встала на молитву. Наступила ремиссия. Вот, говорили духовники, чудо Всевышнего, укрепишься в вере, больше чудес произойдёт.

Она перестала ковырять рану в душе. Как отрезало как романтические, так и горькие эпизоды с Асхатом. Они с разных орбит, их планеты, нечаянно столкнувшись, быстро разлетелись в разные стороны. Её вариант, внушало окружение Нилю, строгий мусульманин, брак через никах. Никах — автопрограмма, облегчающая жизнь. Мужчина и женщина дают присягу на верность не один другому, их совместной общности — семье.

Лера не сразу узнает, что подруги не стало. В дни трехдневной войны кучки горячих неофитов с силовиками, Лера не ездила в махаллу, родители велели сидеть в квартире, не высовываться. Из центра, где она жила, в махаллу — не ближний свет. Выезжать куда-либо в те тревожные дни было боязно. Когда у Леры высвобождалось время, она по телефону на кафедре набирала номер матери. В очередном телефонном разговоре Лера услышала, что Нилюфар умерла. Лера не поняла, что значит «умерла»? Ни слез, ни возмущения выдать не смогла, одно недоумение. Подруги детства не стало, а она пустая, никакая. Ни горечи, ни праведного негодования, что было ненормально. Ей нужно было двигаться, чтобы прийти в себя.

Лера попросила коллегу подменить её, сбежала с кафедры, села в первый попавшийся автобус, куда-нибудь да отвезёт. Возле парковой зоны выскочила. Шла, глазела на газонную траву, на деревья, на гуляющих пап-мам с детьми. Вернулась способность думать. Рослые деревья — защита от солнца и шума. Сочная трава, не постригли ещё. Весёлые зонтики одуванчиков. Безработные дети на самокатах. Нилю не видит, не увидит эту красоту. Чёрт с ним, с красотой, с удовольствиями, с семьёй! Нилю перестала быть. Что значит «умерла»? Я же вижу её, думала Лера, вон впереди висит в воздухе, улыбается, что-то говорит, не разобрать что. На расстоянии друг от друга подруги прошли три остановки. На третьей вместе сели в транспорт до махалли. В автобусе Нилю растаяла.

Увидев осунувшееся лицо матери, Лера расплакалась. Правда: подруги нет. Следом расплакалась мать. Лера пыталась материться, высказать в пространство, что она думает о жизни. Мат не выходил. Она опять мычала: а-а-ай-у-у-уй-о-о-ой-эм-м-м, вышагивая крупными шагами по комнате. Промычав, икая, убежала реветь в свою спальню.

Лерин отец прикрепил к розетке телефона длинный провод. Семья таскала аппарат по всему дому, чтоб поговорить без лишних ушей. Лера не ленилась вести провод к себе, часами секретничала с Нилю. Она открыла дверь в спальню, перед глазами возникла подруга. С того дня комната в сознании Леры стойко ассоциировалась с Нилю. Как только она будет входить в комнату или гулять в парковой зоне, она его назовёт «Нилюфаркин парк», перед ней будет стоять подруга: лицом к ней, в пяти шагах впереди, в полный рост, с полметра над землей, полом. Они не будут переговариваться, между ними расстояние, которое не сокращается и не увеличивается. Дистанция возникла всегда, приблизиться невозможно, как отталкиваются магниты. В заграничной квартире Нилю будет приходить на ум осознанно, в памятные даты, когда Лера будет перебирать фотографии юности, смотреть запись Шер, Санни с Литл мэн, разглядывать брошь с больной бирюзой. Изредка мысль о подруге будет появляться внезапно, Лера будет откладывать её до ночи, чтобы перед сном без суеты подумать о ней, побеседовать.

Через три дня непрерывного рёва Лера сможет произнести «умерла» Севаре, одноклассникам, шефу, чтоб отпроситься в четверг с работы, навестить Бердиевых, чтобы выразить соболезнование. Пришедших к Бердиевым выразить соболезнование родственников, соседей, знакомых обслуживала сноха, жена племянника Нилюшкиного отца Захра ханым, турчанка по национальности. Незадолго до распада Советского Союза начнутся нападки на турков-месхетинцев в местах их компактного проживания. Захру отправят в большой город, в семью Нилю, переждать неспокойные времена. В городе было спокойно. В интернациональной махалле жили по-прежнему — мирно.

Как взрыв черной дыры, крах советской империи приведёт к рождению полтора десятка независимых (планет) государств. Жить самостоятельно новообразованные республики начнут в условиях тотального экономического спада. Народы займутся поисками виноватых, предъявлять претензии к представителям пришлых, но обжившихся на новой родине национальностей. Прозвучат лозунги: «Русские в Рязань, татары в Казань». Те не стали дожидаться отправки в товарных вагонах гуртом на прародину, стихийно выезжали в одиночку, семьями, родами. Благо, им было куда.

Туркам было некуда. Раздосадованные снижением уровня жизни люди в отношении турков не ограничатся лозунгами. Прольётся кровь. Их спешно вывезут, чтоб не сказать: повторно депортируют. Захра за спинами немногочисленных зевак будет смотреть, как уезжают из посёлка её близкие, но не подойдет к ним. Как? Солдаты кругом.

Зеленая улица, где она выросла, самая тенистая, кроны могущих чинар смыкают-

ся, на улице всегда темень. Дорога узкая, петляет. Неказистые старые дома. Прохожие сторонились Зеленой улицы, что было на руку детворе. Центром их жизни был обрубок чинары, поваленной возле одного из заборов. Обрубок уложили, чтоб машина не въехала в забор. Заодно толстое дерево служило скамьей, столом, гимнастическим снарядом днем для детей, вечером для взрослых.

Пришёл приказ турок организованно вывести, хотя в поселке им не угрожали. К девяти утра к калитке подъехал маленький автобус, из него вышли солдаты в касках, встали между калиткой и открытыми дверьми автобуса. В узкий проход, как подсудимые из автозак, выходила по одному семья Захры, с баулами в руках, поднималась в автобус. Она старалась выхватить взгляд родных, не получалось, они смотрели сухими глазами в землю. Родители, братья, сестры с сосредоточенными лицами молча проходили в автобус, рассаживались. Из окон не высовывались даже мелкие. Вышел отец, заскрипел ключом, запирая калитку, ключом не пользовались годами, дом не пустовал никогда, отдал ключ чиновнику из райисполкома, поднялся в автобус. Соседи выкрикивали: «Держитесь, Бог в помощь, увидимся». Автобус тронулся. Захра несколько минут смотрела вниз. Муж ждал, закричит, побежит вдогонку. Нет. Её народ научен сносить перипетии судьбы как неотвратимый факт, не подлежащий пересмотру.

Переселенцев в Месхетию не пустят. И рассеется народ по Кавказу, России, Америке. Кто где смог, снова пустит корни. Братья Захры не станут разлучать сестру с мужем, покинут страну без неё. Через десять лет один из братьев навестит Захру, останется довольным. У сестрёнки сложилась крепкая семья, прочный достаток, уважение родни.

Лера запросто заходила к Бердиевым. Однажды она увидит во дворе светлую женщину. По большому секрету от Нилю Лера узнает, что женщина им сноха, она турчанка. В тогдашнем представлении Леры турки должны быть обязательно жгучими брюнетами. Перед ней мелькала белолицая девица с зелёными глазами, волосами цвета пшеницы. Молодая женщина суежилась по дому, не вступая в разговоры ни с кем. Лера удивится. Девчонки побегут к Нилюшкиной матери выяснять, не nemá ли гостя. Мать объяснит девчонкам, что в глубинке до сих пор придерживаются архаичной традиции: на первых порах невестки не общаются с домочадцами на равных, не разговаривают с членами семьи мужа. Надо что-то сказать, передают шёпотом через мужа. Родят — открывают рот, некоторые слишком широко, добавила женщина.

Девочек традиция поразила. Нилю и Лера решат проверить, смогут ли они быть невестками в глубинке. Примерили роль на себя, общались без слов, компенсируя слова мимикой, жестикующей. Закончили игру стуком костяшками по головам, дескать, какая ты дура, не понимаешь. Их хватило на сорок минут. С облегчением выдохнули, на словах договорились, что подойдут к Нилюшкиной матери, попросят через неё, чтобы Захра с ними разговаривала без стеснения. Выяснится, Захра словоохотливая весьма.

В поминальный четверг, усевшись на айване, Лера взглядом поприветствует Захру ханьму, подвижную, говорливую, как раньше, но с поблёкшими глазами, возможно, от слёз по Нилю. Женщина сновала туда-сюда со свежесваренным чаем. Между делом даст понять, что признала Леру. Кроме Захры, никто не двигался. Мать сидела в заторможенном состоянии. Невестка окопалась в кухне безвылазно. Брат нигде не мелькал.

Прощаясь, Лерина мать незаметно опустит денежку в карман камзола матери Нилюфар. Горе, ко всему прочему, сопровождается большими тратами. Со дня похорон благосостояние семьи Бердиевых неуклонно будет падать. Рахим потеряет работу на рынке, пойдет разнорабочим в комхоз. Мать сляжет. «Мол экзак, бало экзак»¹. В каждый приезд из-за границы к родителям, Лера будет оставлять небольшие суммы Рахиму помянуть родных.

Нилю была мелкой детсадовкой, когда гостивший у них дед, тот самый, который вместо сахара опускал в чай мешочек с травкой, усадил внучку на колени, начал серьёзный разговор: «Боюсь за шалопая, брата твоего. На тебя, внучка, надеюсь. Придет время, от тебя потребуются провести брата по шаткому мосту в преисподней. На родителей твоих не надеюсь, нужен безгрешный человек». — «Где мост? Покажете?» — уточняла девчушка. «Мост не в городе, далеко, висит над пропастью. Внизу дна не видно. Хороший человек, у него нет груза плохих дел, легко проходит по нему. Плохие дела, тяжёлые, как камни, свешиваются с человека, тянут в пропасть. Жалко. Хороший человек может провести за руку, как слепого, не очень хорошего человека по мосту, чтоб не упал в пропасть. Проведешь брата по мосту?»

«Да, да», — поддакнула деду Нилю. Дети в этом возрасте верят всему из уст старых людей, она примет поверье за чистую монету. Она не знала, что за место — преис-

¹ Аналог: пришла беда, открывай ворота.

подняв, что за мост там висит, но было очевидно, девочка любила брата. Подростком расскажет о мосте над пропастью Лере, ничуть не сомневаясь в реальном его существовании.

«Ты же станешь хорошим человеком, спасёшь брата? Договорились?» — переспросит дед внучку дважды. «Хоп», — бойко ответит славная девчушка. Дед был уверен, внучка сделает возможное и невозможное для родного человечка; проведёт не только по мосту в преисподней, через настоящие трудности по жизни.

Рахим был главной проблемой семьи Бердиевых. В пятнадцать лет утащил велосипед соседского пацана, разобрал на части, спрятал на чердаке. Пацан приволок к Бердиевым своего родителя разбираться. Мужчина устроил суровый допрос. Рахим не выдержал угроз, махнул головой в сторону чердака. Пострадавшая сторона проявила избыточную принципиальность, не согласившись уладить вопрос за неплохую сумму. На воришку завели уголовное дело. Деньги за «Жигули», проданные в расчёте, что пригодятся в качестве моральной компенсации, ушли адвокату, пропали даром. Брата Нилю отправили в воспитательную колонию.

Отец тяжело перенёс позор. Бердиевы не нуждались, велосипед, музыкальная аппаратура, модная одежда у сына имелись. В чём мотив кражи, не мог понять отец. Убедил себя, дело не в воспитании, непутёвым наследник уродился. Воспитывал, как все: журил за плохое, хвалил за хорошее, не бил. Что тогда? Разочаровавшегося в сыне, в своей несостоятельности как родителя, пожухшего отца стукнул инсульт. К счастью, ушёл, не остался парализованным висеть на руках Нилюфар. Мать тоже сильно сдала, ушла с работы. Отвозить передачи брату, когда он повторно загремел в колонию, выпало на долю сестры.

Рахим вернулся из первого «санатория» разучившимся спать, как положено молодым парням: крепко, непробудно, до обеда по выходным. С трудом засыпал, просыпался от любого шороха. Сидел ночи напролет во дворе. Нилю от бывалых слышала: стоит уснуть, начинают издевательства сокамерников. Чем помочь брату, не знала. Мать покупала снотворные, водила к знахарям. Пилюли не действовали. Выход подсказали соседки: «Жените, наладится сон, всё остальное». Рахим с энтузиазмом принял идею. Быстро охмурил симпатичную девушку. Через два месяца объявил матери, куда идти свататься.

Сватовство прошло гладко. Родители девушки согласились на брак, несмотря на то что Рахим недавно освободился из мест лишения свободы. Мать и Нилю как угорелые готовили свадьбу. Основной источник дохода семьи в тот период — заработки Нилю. Мать досрочно вышла на пенсию, у брата постоянной занятости не было. Заработок Нилю отдавала матери. Себе оставляла лишь на транспортные расходы.

Женщины выложились не напрасно. Дом привели в порядок, свадьбу сыграли, приданое молодым приготовили не хуже, чем у соседей. Сноха попалась смышлёная. Сон у Рахима наладился, он раздобыл. Живот наметился у него и у его жены. Для полноты Бердиевым не хватало одного — работы для Рахима, единственного мужчины в доме. Он ничего не умел, ничему не обучился, вкуса работы не распознал. Нашлась вакансия: «бери больше, кидай дальше». Рахим нанялся помогать шабашникам. Бригада выстроила магазин под ключ, им заплатили достойно.

Следующим заказом бригада подняла дом. Хозяин не рассчитался за работу. Рахим вытащил мобильник из его кармана в момент бурных переговоров с ним об оплате. Телефон не продал, оставил себе. Мобильники были еще редкостью. Семье сказал, что купил на зарплату от прошлого объекта. Мать и жена одобрили покупку: нужен. Кто-то доложил нуворишу, у голытьбы завёлся дорогой телефон. Нувориш нажал на кнопки. Рахима посадили во второй раз — настолько был крут гнев пострадавшего.

В семье Бердиевых начался тяжелый период. Три женщины и ребёнок на одну зарплату и одну пенсию. Не выдержав скудости, Рахимова жена ушла в родительский дом. Забота о матери и брате легла на плечи Нилюфар.

Сложное это дело — собрать передачку в СИЗО. Строгий список, чего и сколько можно, чего нельзя. Чай весовой в прозрачном пакете, сигареты вынуть из пачки, курит, не курит — неважно; чёрный чай, сигареты — ходовая валюта за колючкой. Чеснок и лук, антибиотики — нельзя. Предпочтительнее крокетное, не песочное, печенье, сгущёнка, заказное казы¹, мёд, перемешанный с топленым сливочным маслом. Купить натуральный мёд, а не сварганинный из сиропа с ароматическими добавками суррогат, непросто. Перетопить масло, процедить шкварки, чтобы масло пришло в консистенцию мёда, в какой пропорции смешать масло с мёдом — навык приходит с опытом. Ещё надо выстоять огромную очередь в окошко приёма передач. В лапы приёмщика сунуть мзду, чтобы донесли до адресата более-менее сохранную посылку. Добившись свидания, «угостить» охрану, чтобы дали спокойно поговорить.

¹ Конская колбаса.

Не расходы, не стояние в очередях огорчали Нилю. Уверенность, из передачи мало чего достается брату; охранники основательно ворошат баулы. Рахим признается, однажды из передачи ему вручили кулёк пряников, головку чеснока. Он знал, до такой скупости в отношении брата, родной кровиночки, сестра не опустится. Нилю часто сетовала Лере, кормит не столько брата, сколько охранников. Со временем в СИЗО и колониях станет цивилизованнее. На момент стычек бородачей с силовиками у Нилю были личные претензии к милиции.

У Леры претензий к милиции не было. Однажды милиция её приятно удивит. Она медленно брела домой, не замечая людей, обстановку, время. Сзади ей посигналили. Вынужденно обернулись. За ней медленно ковыляла милицейская машина. Поравнялась с ней. Открылась дверца. Мужчина в форме спросил: «У вас всё в порядке? Ничего не случилось? Мы едем за вами с поворота, вы идёте, головы не поднимаете, на сигнал не реагируете. Вам плохо? Скажите, не стесняйтесь, поможем». — «Всё в порядке, просто задумалась. Спасибо. Моя милиция меня бережёт¹. «А как иначе, — улыбнулся милиционер. — Если всё в порядке, уезжаем. Берегите себя». Внимание мужчин в форме тронуло. Поднялось настроение: не всё плохо с милицией; не все менты чёрствые.

Сбылся прогноз Самигулова: Нилю вошла в ремиссию, вернулся прежний облик. Не всё было худо. Подвернулся выгодный клиент, которому надо было набивать тексты. С оплатой не обижал, поэтому она пахала, пахала, пахала. Проснувшись, сразу садилась на комп; от кровати до письменного стола был всего шаг. Работа заглушала грустные мысли. В один светлый день из «санатория» выпустился Рахим, да не один. Брата друг Мурад и Нилю понравились друг другу, сошлись. Нилю прибавила в весе, похорошела, исчезла нервозность. Принарядилась. Появилась внутренняя уверенность защищённой женщины.

Они были, как два голубца, скажет Лере соседка. Что за голубцы, спросит она. Нилюфар и Мурад, пояснит Зубейда, он кушал её глазами. Как два голубка, рассмеётся Лера. Девушка не совсем в ладах с русским языком. Нилю слеплась с Мурадом, время покажет, не разорвать. В нападении на силовиков они участвовали вместе. Как скажет Лере следователь, бойцы на блокпосту не заметили в женщине из «Тико» страха, волнения, она была бодрa, улыбалась. Идти на верную погибель и радоваться? Мурад рядом был, подстраховывал, никак иначе, думала Лера. Была счастлива с ним? Пошла за ним на безумие, чтоб не разлучаться. Или он за ней? Зная, что жизнь любимой ускоренно сокращается, чтоб не боялась у финиша. Возможно, между ними состоялся примерно такой же разговор, как между арабским террористом, участвовавшим в захвате школы в Беслане, и его матерью на родине по телефону. Из фильма А. Рогаткина «Беслан»:

- Мама, они пошли атакой на наше здание. Я иду в рай!
- С богом!
- Я хорошо чувствую запах рая!
- С богом!
- Мама, рай очень приятно пахнет!

Глава 4. БОЛЬНАЯ БИРЮЗА

*«Симптомы у любви и у чумы одинаковые»
Г. Маркес*

За пять лет до самоподрыва Молоденькой по городу прокатилась череда взрывов. Один из них Лера приняла за землетрясение. Был солнечный день, она рылась в коробке с документами. Ни с того, ни с сего задрожали стёкла, её качнуло назад. Первая мысль — землетрясение, нередкое явление в феврале-марте в их краях. В школе учили: началась толчки — встань под проем двери. Побежала, встала. Стопами чувствовала вибрацию.

Странно, почему предвестников землетрясения она не почувствовала? За два-три дня до природной катаклизмы у Леры начинает ныть колено. Под коленом в детстве выскочил чирей, долго не высыхал; его локация стреляет острой болью при резкой перемене погоды. Подземным толчкам предшествует изнуряющая духота, от которой спасу нет. Всёмu живому, в том числе людям, остается лишь надеяться, что скоро грянет гром или сотрясётся земля, станет легче дышать. В этот раз духоты не было. Толчок был один, обычно следует серия толчков то сильнее, то слабее. Сдвигает, как правило, из стороны в сторону, особенно это ощущается, если землетрясение застигло в постели.

¹ Крылатая цитата из В. Маяковского.

Предвестников землетрясения не было, но встряхнуло изрядно. Лера стояла в проеме до тех пор, пока пол не перестал колебаться. Вечером из ТВ-новостей выяснилось, это не землетрясение заставило звенеть стёкла, а детонация адского устройства. Ударная волна преодолела расстояние в полтора-два километра от места взрыва до её дома. У Леры стёкла задрожали, в квартире коллеги — брызнули во все стороны. Фасад дома Васили смотрит на центральную площадь, где также бабахнуло. Никто из жителей дома не поранился, народ в основном был на работе. Буквально через два часа после детонации подъедут мастера с инструментами и материалом и к вечеру остеклят все разбитые окна в доме.

Через несколько дней после «землетрясения», ближе к ночи, позвонили в дверь. Как все нормальные люди, не спросив, кто там, Лера распахнула дверь. В темноте, свет на площадке не горел, стоял «ночной дозор».

— Почему открываете дверь, не спросив, кто там? У незнакомых всегда спрашивают документы. Вот моё удостоверение, — пришелец протянул красную корочку. — Здравствуйте. Я ваш участковый.

Оторпевшая Лера отступила от двери. Раскрыв удостоверение, мужчина шагнул за порог, встал возле вешалки. Он внимательно следил за хозяйкой, она за ним. С крючка свисало пальто. Под вешалкой, на полу аккуратно выстроились мужские шлепки папы и брата, иногда навещавших её.

— Чьё пальто? Тапочки? Мужчины в квартире есть? — строго спросил милиционер.

— Моё, — робко начала оправдываться Лера от растерянности, почему его заинтересовали обычные вещи.

— Ваше? — засомневался участковый. — Одна здесь прописаны?

Лера стянула пальто, надела. Оно было женским, хотя по покрою напоминало мужское. Длинное, непременно черное, драповое пальто с английским воротником было в тренде сезона.

— Снимите. Понятно

— Сезон кончился, забыла убрать, — оправдывалась дальше хозяйка.

Пальто милиционера уже не интересовало. Из прихожей была видна часть жилой комнаты, виден компьютер, струйный принтер. В те времена личный КП и принтер — большая редкость.

— У вас и принтер есть? — удивился визитёр.

— Да, — несмело ответила Лера.

— Это вы листовки печатаете?

Она испугалась. Это заметил милиционер, прищурил глаза. В Лериной махалле в глаза не видели листовок. В Старом городе, где жила Лера, был период, их сеяли регулярно. В подъездах, меж домов, на клумбах валялись листки в половину формата А-4 с набранным мелким шрифтом бледным текстом. Однообразный текст быстро наскучил. Жильцы попривыкли к белеющему там-сям мусору, ленились подымать, читать. Поражало другое — как скоро самодельные агитки появились в подъездах. В доме стояли электроплиты, спичек в квартире Лера не держала. Как-то понадобились, она поднялась к соседке на третий этаж. Спустилась к себе на второй этаж, максимум, через десять минут: пока поднялась, пока расспросила соседку «как ваше ничего», без этого никак, пока та искала спички, пока прощались. Вернулась, в дверях торчит листок с плотным текстом. Времени и глаз было жаль на него тратить. Не читая, скомкала, решив, бросит в мусорное ведро. Занесла домой, не сорить же на площадке.

— Увидите листовки, не берите в руки, не заносите домой.

«Где ты раньше был?» — чуть не вскрикнула Лера. Провел бы профилактику раньше. Мальчишки по детской любознательности подбирали опасные листки, заносили домой. В листовках писалось об издевательствах над подсудимыми, печатались фотографии избитых мужчин. Лера не вникала в текст, надо было силиться, чтобы прочитать его и перевести. Быстрый взгляд лингвиста выхватывал незнакомое «ёху-дий». Значение слова она не знала, оно не использовалось в обыденной речи. Слово всплывет в памяти, когда она будет стоять перед мужчиной в погонах и, запинаясь, отвечать на его вопросы. Конкретно заволнуется. Она в полшаге от обвинения, что в её квартире оборудована подпольная типография. Бросится спасать себя:

— Я диссертацию пишу. В институте работаю.

— Не волнуйтесь вы так, — человек в форме не намерен был её арестовывать. Смягчив голос, объяснил: — Я профилактику провожу. Запомните меня. Я, — стресс был на «я», — ваш участковый. Кто будет говорить, что он ваш участковый, — не верьте. Участились случаи, мошенники переодеваются в милицейскую форму. Обязан предупредить. Днем ходить — работы много. Извините за поздний визит. Запомнили?

Переживания Леры от «землетрясения», ночного визита участкового — ничто по сравнению с тем, что пришлось пережить Севаре. Она серьёзно, физически и мораль-

но, пострадала от аналогичного взрыва за пять лет до самоподрыва Молоденькой.

Нилуфар, Севара, Лера до шестого класса учились в одном классе. Перешли в шестой класс, Севарин отец получил квартиру в центре, за бывшим главпочтамтом, семья переехала. Связь росших вместе с детского сада девчонок прервалась. Повзрослев, они разыщут друг друга, больше не будут теряться, будут созваниваться. Лера и Нилу отгуляют на свадьбе Севары. Нилу пару раз зайдёт к Севаре по пути на компьютерные курсы почаёвничать. Учебный центр располагался в двух шагах от дома Севары. Лера будет забегать к ней исключительно по деловой надобности.

Севара работала кадровиком в головном офисе Национального банка. В злополучном феврале на собеседование к ней записался выпускник финансового института. В назначенный день юноша явился до обговоренного времени, доложил из приёмной, что прибыл. Зачем держать соискателя в неведении, если образовалось окно в графике? Севара не стала томить соискателя, приняла раньше. Они уточнили перечень необходимых документов, кадровик с чистой совестью отпустила парня.

Не прошло и трех минут, как посетитель ушёл, высотку Национального банка приподняло над землей и плавно опустило. Зазвенели стёкла, а стёкла в офисе были большие, панорамные. В сторону окон никто не глядел. Сотрудники отдела кадров сидели за своими столами, зажмурив глаза, зажав уши руками. Запищал сигнал, женщины очнулись от оцепенения. Минуло неопределенное время, успокоились стёкла. Кадровики взглянули на окна. За окнами до их тринадцатого этажа тянулись густые клубы пыли. Поползло: «взрыв». Что? Взрыв? Какой взрыв?

Через два дня Севаре сообщили, при подрыве автомобиля с взрывным устройством на стоянке банка погиб и тот посетитель, который приходил на собеседование к ней. Родные опознали его по часам на запястье. Услышав жуткое известие, прямо на рабочем месте у Севары открылось кровотечение. На скорой отправили в больницу.

Весть о взрыве у банка разлетелась по городу мгновенно. Нилуфар не могла спать по ночам. Она не разыскала подругу детства в больнице. Лера и Нилуфар навестили Севару.

— Зачем я приняла его раньше? — Севара приняла соискателя в 10.30, отпустила в 11.10, взрыв прогремел в 11.20. — Парень, его дядя остались бы живы. Он спустился вниз, пошёл к машине дяди, рядом был припаркован этот проклятый «Запорожец», — какалась Севара. — Раббым, за что мне такое? Я лишила парня жизни. Как жить?!

— Бросай работу, к нам переезжай, — предложила пожилая женщина, невольная свидетельница разговора подруг в палате. — У нас в горах свежий воздух, людей мало, плохих вообще нет, они в город уезжают.

— Правда, уехать, что ли? — впервые улыбнётся тогда Севара.

Никуда она не уедет, вернётся на свой 13-й этаж, в отдел кадров. Тема вины не раз будет всплывать в разговорах подруг. Нилу и Лера настойчиво будут твердить, случайно совпало, парень сам виноват, приехал раньше. Не виновата, понимаю, но чувство вины время от времени просыпается и не даёт жить, возражала Севара, то давление повышается, то гастрит обостряется, приходится брать больничный.

Лера и Нилуфар сопереживали Севаре. Тем не менее, спустя пять лет Нилуфар привезла бомбу на блокпост. Об этом Лере скажет следователь, который пригласит её к себе «поговорить».

В девять утра, в День Победы, Леру разбудил ранний звонок. Мужчина представился. По голосу Лера определила, не старый, значит — рьяный, что не очень хорошо. Голос предложил подъехать к нему ответить на некоторые вопросы об однокласснице; объяснил, как доехать, в какой кабинет явиться. Скоро сорок дней как одноклассница погибла в ДТП.

— Надеюсь, вы оцените, я домой вам позвонил, мог бы на работу. Не хочу лишних проблем для вас.

— Выезжаю, — Лера прервала неприятный диалог.

Страшает или благосклонность проявляет? Звонок испортил праздник и поломал планы. Лера планировала навестить соседку по махалле. Тётя Нади отец, кадровый военный, погиб в первые месяцы войны, старший брат — 9 мая 1945 года в Праге. Свою семью Надя не создала. Мужчины в послевоенные годы были нарасхват, Надя была слишком воспитанной, чтоб бороться за мужика.

Никто не просил, не заставлял, к Новому году, к 8-му марта, к Пасхе, к 9-му мая — обязательно Лера набирала пакет продуктов для старухи, хотя старухой Надю назвать язык не повернётся: прямая спина, седые кудряшки, она не ложилась спать, пока не накрутит волосы на тряпочно-бумажные бигуди, манеры выпускницы Смольного института благородных девиц. Девочкой мать Нади была в услужении у тверских дворян, у которых нахваталась душевного и бытового аристократизма, и привила арсенал этих привычек дочери. Некоторые красивые привычки Лера «сворует» у Нади и будет соблюдать.

Комната тётъ Нади казалась Лере музеем винтажных вещей. Они чаевничали за столом, накрытым не клеёнкой — утончённой от многолетних стирок, непременно накрахмаленной скатёркой. Для варенья тётъ Надя выставляла специальные розетки, тяжёлые чайные ложки. Женщины вели длинную беседу. Пожилая леди показывала семейные фотографии. Становилось ли легче одинокой женщине, Лера не спрашивала. Что ей самой было приятно — несомненно. Становилось хорошо на душе, что выкроила время, что выслушала, что поддержала честную до мелочности женщину.

Расставаясь, незадолго до Лериного отъезда тётъ Надя подарит ей три, что выжили в мытарствах эвакуации в Великую войну, мельхиоровых подстаканника, которые займут центральное место в её посудной коллекции. Выйдя замуж за иностранца, Лера завела ритуал: в дождливую погоду приносить тёплое питье себе и мужу в этих подстаканниках, греться, забравшись с ногами в кресло, и долго разговаривать с ним.

Ради кого или ради чего делаются добрые дела? На первый взгляд, в интересах нуждающегося человека. Добрые дела, как безответная любовь, не рассчитаны на взаимность, благодарность. Ждать прок, хоть малюсенький, отдаленный, — естественно. Он есть. Взрослея, понимаешь, добрые дела делаются из немного эгоистичного чувства самоуважения. Или ради самолюбования втихаря? Даёшь зарок, сделаю то, это, третье для того, для этого. Реализуется часть. Малой их толики достаточно для самоуважения, лишь бы были.

Гражданская активность — доброе дело. Лера мимо. Она не ходила на выборы, не подписывала призывы, к дебатам не прислушивалась. «Бесполезно» — было искренним её убеждением, выросшим из личного опыта соприкосновения с системой. Негодование положением в стране со временем притушилось. Положение в стране — это данность: мощная, непреодолимая. Сложно — беги в виртуальную реальность, в творчество, в чужую страну, где данность не жутко бетонная, с так называемым человеческим лицом.

Данность никогда не будет идеальной. Кучка молодых людей захотела добиться любой ценой идеальности в собственном понимании. Они же не одни; есть другие кучки, с другими картинками идеальной данности в голове. В ряды противников существующей системы втираются бунтари с природной агрессивностью, носители тщеславного стремления к власти, выставляющие напоказ вроде не меркантильные мотивы, но по сути движимые лишь личными амбициями, а не болью за родное общество.

Лера отнесла большую часть молодых приверженцев радикальных настроений к наивным подписчикам под чей-то корыстный интерес. Стала аполитичной, видя нерасторопность — безразличие? — государства по отношению к болячкам простого люда. Признавая за собой аполитичность, старалась быть равнодушной к неблагополучию людей, знакомых ей лично. В меру сил помогала очутившимся в незавидных жизненных обстоятельствах приятельницам, соседям, коллегам.

В этот раз вместо встречи с тётъ Надей 9-го мая Лера поехала на беседу с крутым товарищем, который позвонил ей домой. Автобус долго плутал, пока довёз до нужной остановки. Перед выходом из квартиры позвонила брату предупредить, куда едет, тьфу-тьфу, не дай Бог, если не вернётся, пусть знают, почему. Брат дал ЦУ:

— Не волнуйся. Стандартная процедура. Вызывают отсидевших, алиби проверяют, если на районе ЧП, резонансный случай.

— Я не сидела. Какое ЧП?

— Ничего страшного. Проверят как тех, кто на учёте после отсидки стоит.

— Но почему меня?

— Самая близкая к Нилюшке была.

— Почему я? Я не свидетель ДТП.

— Нилю — твоя брошь, тебе носить.

— Но я не видела аварию.

— Она «хлопушка».

— «Хлопушка»?

— Об этом не сейчас.

Брат не разъяснил, что шифрует. В махалле ходил слушок, в беспокойные времена операторы связи включают ловушки, ключевые слова, по которым фиксируют ненадлежащие разговоры по телефону. Сложился простенький словарик, об истинном смысле слов в котором можно догадаться без подсказок: «папаша», «мальчики с гор», «хлопушка», «свадьба», «санаторий». Не то чтобы мрачная полоса наступила, граждане шифровались по старинному народному навыку, чтоб не дразнить лешего, выражаться иносказательно о чрезвычайных происшествиях, о народном недовольстве, о первых лицах.

— Кто-то «настучал», что в яслях ваши горшки рядом стояли. Придерживайся версии «разбилась на «Тико». Держись уверенно. Ты ничего противоправного не совершала, в махалле не живёшь. Когда видела Нилю в последний раз?

— В прошлом году, в октябре.

«Не следует говорить всей правды, но следует говорить только правду»¹, — эта цитата в красивой раме висела напротив лифта на четвертом этаже учебного корпуса медицинского института. Распахиваются двери лифта, глазами упираешься в этот слоган. После беседы со спецслужбистом он превратится в жизненное кредо Леры.

— Так и отвечай: конкретно, без «кажется», «думаю», «говорят». Они лучше тебя знают, какие у вас были отношения, просто перепроверяют по «этикету».

— Какому этикету?

— Такому «этикету». Когда в последний раз созванивались? Что она говорила?

— Не помню.

— Вспоминай. Держи дистанцию, отстраняйся от Нилю.

Брат предлагает предать подругу?! Она действительно не знает, что Нилю натворила. Лере сказали, подруга врезалась в бетонное ограждение, погибла на месте. Был бы хоть намёк, хоть малейшее подозрение, что Нилю соратница Молоденькой, она бы переспросила Даврона.

Позже случай подвернётся, Лера спросит его, привозили ли тогда в морг высокую, худую женщину около тридцати. Доктор ответит, в его дежурство нет; предположит, может, повезли в другой морг. Кто ей эта женщина, Даврон деликатно не поинтересуется.

Навёл на страшную мысль и просит не волноваться, злилась на брата Лера. После беседы с капитаном Лера перероет интернет в поисках официальной информации, что Бердиева Нилюфар взорвала «Тико» у КПП. Инцидент описывали без данных водителя. Глупо скрывать, усмехнётся она, установить ФИО владельца автомобиля по номеру авто несложно. У брата домыслы, у следователя провокации, для народа общее ля-ля. Почему она должна верить им и не верить матери Нилюфар?

Лера нашла нужное здание, по внутреннему телефону отчиталась, что прибыла. Подымаясь на второй этаж, заметила спящих по тихим коридорам мужчин. Никакого ощущения выходного праздничного дня, рабочие будни. Серьёзный улей, не расслабляется ни под каким предлогом. Товарищи жертвуют личным временем ради служебного долга. Завязли в текучке дел? В поисках кабинета она обращала внимание лишь на номера кабинетов. Наконец нужный, табличку не читала. Какая разница, как зовут, в каком звании? Капитан, генерал, прокурор, ей до лампочки, внушила она себе. Постучалась. Из кабинета отозвались.

Обычный чиновничий кабинет, обычный мужчина в гражданской одежде. Шея в напряжении выдвинута, изучающий взгляд, третьего, прозорливого, глаза меж бровей нет. На лбу ничего не написано. Села, не спросив разрешения. Ладони, одна мягко над другой, положила на колени, спину выпрямила, выдохнула. Разговор предстоял неторопливый, иначе зачем с утра вызывать? Представилась.

— Вы знаете, почему вас сюда пригласили?

Мужчина задал вопрос суровым голосом, словно она провинилась, должна немедленно исповедаться в каком-то грехе. Грубой попытке спровоцировать виноватость она не придавала значение, смело смотрела на дознавателя. Ей не в чем каяться. «А если подумать?» — прочитала она в его глазах. Он мне ничего не сделает, успокаивала себя Лера.

— Я одноклассника Нилюфар Бердиевой. Пригласили побеседовать о ней. Это вы мне сказали сегодня утром по телефону.

Погоны капитана угадывались в желании управлять беседой. Для лейтенанта староват, для полковника молод, решила она. Капитан давил когда на сознательность, когда на жалость, когда на страх. Старался вести себя непринуждённо, как опытный актёр. В отличие от участкового, капитан Лере не понравился.

— Вы в курсе, что она совершила?

Что ответить? Лера заметалась между версиями: «ДТП» и «хлопушка». Сказать правду — спросит, откуда сведения, в официальных сводках Нилюшкины ФИО не прозвучали. Притвориться, что не в курсе — не поверит. Ей, на самом деле, до этого утра не приходило в голову соотнести взрыв на въезде в город и Нилюфар. Молоденькая, в принципе, для неё анонимная фигура, вообразить в роли шахидки легко. Родную подругу, когда знаешь, какой зуб выпирает, какой размер обуви носит, какой овощ в рот не возьмёт, невозможно вообразить в этой ипостаси.

В махалле после трехдневной войны пошёл дув-дув гап² — откуда народ узнал? — что дочь Бердиевых осуществила взрыв машины возле КПП. Лера в подобные слухи не вникала: этого не может быть, потому что не может быть. Семья на эту тему разговор не начинала. Соседям не доверяла. Некогда было ей лясы точить. Город не прер-

¹ Жюль Ренар.

² Молва, слух.

вался на войну, функционировал в прежнем режиме. Она работала, как обычно — интенсивно.

Лера решила придерживаться версии с ДТП. «Хлопушка» — бездоказательный домысел брата.

- Погибла в ДТП.
- Сами придумали?
- Мать её сказала, — Лера отвела глаза.
- Когда сказала?
- Минутку, — по совету брата подсчитала в уме. — 15 апреля, в четверг.
- Такая точность! Хорошая память?
- Подсчитала. В тот день с мамой ходили к Бердиевым на пайшанбалик¹.
- Вы ходите на «пайшанбалик»? — удивление капитана было предельным.
- Выросла в махалле.
- И потаха² читаете? — товарищ, на его взгляд, удачно подколол допрашиваемую.
- «Аллох рахматига олсин»³, — выдала она изумленному дознавателю.

Он вытаращил глаза, мотнул головой, отгоняя удивление. Яркая мимика капитана — неожиданность, уважение на грани восторга, что кореянка произнесла мусульманское соболезнование, — всколыхнет в Лере подробности поминок. Она предалась воспоминаниям. Офицер строгим голосом «вернул» Леру в кабинет:

- Итак, вы знакомы с детства.
- Играет в плохого полицейского, оценила выпад Лера. Ответила вежливо:
- С раннего детства. Один садик, одна школа.
- Понял, сколько себя помните.

Махалля, где выросли Нилю, Гани, Эсме, Лера, Толик, начинается у широкой автострады, тянется до глухого забора, отделяющего частные дома от пятиэтажек. Махалля рассечена несколькими проездами. Когда Нилю и Лера были детьми, в квартал редко заезжали машины. Сейчас почти в каждом дворе автомобили. Асфальтированная дорога между домами служила игровой площадкой круглый год. Малышки играла в классики. Мелками, чертит классики, детвору обеспечивала Гавхар, «занимала» у отца, директора школы. Мальчишки гонялись за воздушными змеями по весне в сильный ветер; летом воздух стоячий, змеи не парят.

Девочки постарше устраивали соревнования, кто дольше выдержит прыжки через канат. Канат тащила на улицу Дилорам. Её семья, единственная в проезде, держала корову; канатом привязывали корову к стойлу. Тяжелый и толстый, он глухо стучался об асфальт — этот звук Лера различит с закрытыми глазами. Нынешняя детвора не держала в руках настоящий каноп аркон⁴.

Пацаны играли в футбол на пустыре, где раньше стоял дом, непонятно кем и зачем снесённый. Кожаный прошитый мяч Вовке Иванову подарил его брат, знаменитый в округе рецидивист. Иногда вместо футбола пацаны стучали мячом в высокую кирпичную стену, которая отгораживала их тупик от пятиэтажек.

Любимое летнее развлечение всей детворы — баталии со шлангами. Каникулы, жара, родители на работе. Воду, какой республике столько подать, регулируют из единого центра, её вдоволь. Выживается из дома шланг, кран включается на полную мощь, конец шланга зажимается. Из щели с напором вырывается тугая струя. Струя стреляет в случайного мальчишку, забредшего в проулок, или в противника. Чистая победа — попасть в грудь, свалить соперника. Визг, ор, радость! Вода обдаёт жгучим холодом, разница температуры воздуха и воды значительная. Девчонки убегают домой, стуча зубами. Пацаны не переодеваются, рубахи высушиваются на телах.

В буче участвует Багира, имя — дань известной пантере. Лохматый пёс, отдаленно напоминающий колли, путается в ногах, ловит в пасть струю, кидается на грудь победителю. Угостить собаку Толика семечками, мороженым считает своим долгом каждый подросток. Дворняга слывет гениальной: выплёвывает шелуху, заглывая семья. Умна, чертовка, не отнять, и артистична. Багира кидается на чужих велосипедистов, вот-вот укусит за пятку. Привстав с седла, велосипедист бешено крутит педали, спасаясь от четвероногого преследователя. Однако, во-первых, пёс так и не укусил никого. Во-вторых, кидается он на велосипедистов только в присутствии маленьких зрителей, которые в голос умоляют собаку не делать этого, дружно успокаивают «разъяренную» псину, глядя по длинной шелковистой шерсти, обнимают.

Отгнав всплывшие в памяти водные сражения, проделки Багиры, Лера очнулась, сосредоточилась на беседе. Сейчас, как охарактеризуете подругу, спросит, подумала

¹ Выражают соболезнование семье, где недавно прошли похороны, обычно по четвергам.

² Молитва.

³ «Пусть примет (простит) Всевышний».

⁴ Льняной канат.

она. Не додумала, звучит:

- Как подругу охарактеризуйте Бердиеву.
- Болела много.
- Все болеют.
- Она облучалась.
- Хотите сказать, психика пострадала?

Леру передёрнуло. Кажется, капитан заподозрил в неадекватности и её. Что касается Нилюфар, нелегко оставаться адекватной, если смерть каждое утро напоминает о себе болью, дискомфортом, предчувствием. Чего люди боятся больше: смерти или долгих мучений? Не хотеть предстоящих страданий, желать мгновенной смерти — приобретённый ценный опыт того, кто слетал к краю и воротился к жизни.

- Ей было морально тяжело. Она чуть не умерла, в реанимацию попала.

– Не умерла же. Солдатиков убивать пошла, — мужчина выдал, в чём обвиняет подругу. — У них, к вашему сведению, семьи, дети. Кто не женат был, родители осиротели.

Если действительно автомобиль взорвала Нилю — вопрос вопросов — ей нет оправдания. Насилие как способ сказать что-либо системе — за гранью смысла. Но где доказательства, что это сделала она? У Леры раскалывалось сознание от неясности. Она пыталась унять бунт в голове. Между тем дознаватель поучал Леру. Её-то зачем?

– Подрыв Бердиевой — укусы комара. Комара хлопнули, прибили. Вы не проявили бдительность, не сигнализировали вовремя, что подруга не к тем примкнула.

Лера согласилась с мнением дознавателя, потеряла бдительность. После онкологического диагноза вместо живого общения у бывших одноклассниц были редкие звонки, еще реже встречи. Потеря бдительности — обвинение не дознавателя, себя она будет обвинять, — выльется в не проходящую скорбь Леры, в вечную напоминалку: чтобы не случилось неприятного с близкими, будь начеку.

- Что скажете о Бердиевых в целом?

Ищет триггеры в семье? У кавказских шахидок в анамнезе семейная трагедия. У Нилю судимость Эсмеральды, передачи брату, нехватка денег, невозможность стать матерью, диагноз. Всё вкупе тянет на трагедию. Но была мать, ремиссия, преданные подруги, влюблённость в Мурада, перспектива с ним. Любовь поздно, но пришла. Немало позитива пришло на ум Лере. Нилю выработала сберегающий режим, сносно чувствовала себя в последнее время. Не нуждалась в последние год-два, хотя это вряд ли ценилось ею. Благополучие имеет значение, если человек рассчитывает на долгую жизнь. Нилю не рассчитывала.

- Жили по средствам, много работали.
- И брат?
- Он в тюрьме сидел два раза.

Знаешь про семью лучше меня, глупо расспрашивать, глазами сигнализировала Лера капитану, или хочешь поймать, когда оговорюсь? Что интересного, чего не знаешь ты, знаю я? Кокнар, мост в преисподней. Ах, да, Асхат. Его не следует упоминать. Слишком личное, прямого отношения к делу не имеет. Би хеппи, донт ворри, мачо. Нилю не простит, если всплывёт твоё имя. Ты ей непосредственно не вредил, даже помог, избавил от анахронизма (девственности).

Чтоб не сболтнуть про Асхата, представила его сгорающим в огне. Сгорел до пепла. Представила пепел в ладони, чтобы избавиться от навязчивого образа, пепел нужно сдуть, вычитала Лера совет в инете. Дунула не в воображении, в реальности, в ладони.

- Извините, ладони горят.

От напряжения Лера плохо соображала. Разболелась голова. Глаза затуманились. Капитан пожалел:

- Ладно, идите. Извините, побеспокоил в праздник.

Для этих ничего не значащих сведений он её вызвал? Убедиться, что она не была в курсе намерений подруги? Слаб спецслужбист, не тех опрашивает. Он владеет лишь долей правды. Где остальное? Капитан добился обратного эффекта: укрепил уверенность, что подруга в ДТП погибла. Ни фото, ни протокол экспертизы не выложил. Почему она должна ему верить? И в энтомологии слаб. Самые кровожадные хищники в мире животных — это комары. Упиваются кровью. Человек перепил, выпитое обратно выплёскивается. Комары перепьют, их раздавует, и только. Кусаются исключительно самки. Высасывают крови свыше собственного веса в разы. Малярийные хищницы плюс заразу вживляют.

А как комары раздражают?! От зуда их десанта человек готов на стенку лезть. Уснуть невозможно. Человек охотится на них, по уху себя бьёт, по рукам, убить не может. А чесотка от них? До отёка, до крови.

Лера не стала рассказывать дознавателю, когда произошёл перелом в Нилю. У каждого своя житейская драма, но не каждый подрывается. Что её рассказ объяснит?

Ему надо установить немногое: кто и за что.

Бердиева принимала седативное? — спросит Леру капитан. Как без этого при онкодиагнозе? Лера решила не отвечать на избыточный вопрос. Это легко установить по медицинской карте, которую, скорее всего, капитан проштудировал. Перепроверяет, насколько глубоко Лера была осведомлена о делах подруги. Допустим, Нилюфар связалась с радикалами, она ни за что не поделилась бы этим с Лерой, не подставила бы под проблемы ни подругу, ни родных. Она берегла Леру. Поэтому Нилю ограничила общение с ней?

Лера не знала, регулярно ли употребляла подруга седативные препараты. Она в деталях запомнила Нилюшкины впечатления от первого укола. По её словам, седативное дает отстранённость от ситуации, дум, людей. Нилю предстояло исследование сердца с помощью видеокамеры через стенку желудка, по-народному — шланг глотать. Врач предупредил: чтобы она не волновалась и процедура прошла без эксцессов, ей сделают инъекцию. В 7.30 в палату вошла незнакомая медсестра, не постовая, с маленьким чемоданчиком. Вытащила из чемоданчика ампулу, поставила терпимый, не слишком болезненный укол в ягодицу. Через десять минут постовая медсестра открыла дверь, встала на пороге, подбоченившись. «Бердиева, пошли сдаваться! Общий анализ», — крикнула в палату. Сестра повела пациентку под руку на второй пост. Сестра громко объявила толпе, Нилю первой сдаст анализ, и отправилась восвояси, на своё рабочее место.

Нилюфар села на стул возле лаборантского стола. Медичка вот-вот должна была прийти. Сидит, молчит. Прокол пальца — нож в сердце. Инъекций в вену, в ягодицу Нилю боялась меньше, чем забора крови из пальца. Странно, оценила она своё самочувствие, ни за предстоящий прокол пальца, ни за противнейшую процедуру заглатывания шланга она не волнуется. Укол начал действовать. Безразлично стало, как пройдёт обследование, что с сердцем, почкой. И вообще стало безразлично, как скоро наступит конец, когда не надо сопротивляться болезням, эмоциям. Прислушалась к новому состоянию себя. Оно нравилось, поднялось настроение.

Сидит, наблюдает за публикой, ждёт лаборантку. Выдвигается из толпы мужик с животом, как на девятом месяце беременности, начинает скандалить, почему Нилю пролезла без очереди. Пациенты будто не слышали объявление медсестры, наблюдают, кто выиграет перебранку.

— Я не шелохнулась, спокойно повернулась к нему, хотела что-то сказать. Вдруг отчетливо понимаю, неохота открывать рот, думаю, не сдвинусь со стула, хоть тресни подо мной пол и провалюсь я в подвал. Представляешь? Я была совершенно хладнокровной. Классное состояние! Лень было объяснять, почему именно я сижу возле стола лаборантки, что мне на первый этаж к 8.00 на обследование, что это не мой каприз, правило в отделении — пропускать без очереди тех, кто после седативного укола идёт на обследование.

Пришла лаборантка, быстро проколола, всосала в трубку сколько надо крови, сунула ватку в ладонь, за двадцать секунд, не больше. Зачем из-за этого скандалить? Прибежала постовая с коляской, усадила и повезла мимо «беременного мужика» к лифту.

— Голова не закружилась? Мутило?

— Штатало, необычно, но нравилось. Хорошее настроение, ангельское терпение, желание одного — мира. Сидела, ясно видела всё наперёд через полчаса. Не волновалась.

Лера позавидовала подруге. Она не испытывала еще действие седации.

— Шланг как прошёл?

— Нормально. Намек на позывы были, быстро прошли, я натошак была. Представляешь, сердце через желудок смотрят? До палаты довели на каталке. Спать хотелось.

— Заснула? — Лера была уверена, седативное клонит ко сну.

— Нет. Просто спокойно лежала. Хотя в палате после обследования женщины сразу засыпали, как только их привозили.

Принимала седативное по назначению врача, скажет Лера капитану. Утаит вывод Нилю: «Мне понравилось. Делали бы седацию всем подряд, скандалов не было бы. Покой на земле бы наступил. Как просто!»

— Что скажете про мужа Бердиевой?

— Красивый мужчина.

— Даже так? — бравый капитан взревновал. — О чём говорил с вами?

— Мы не разговаривали. Видела его один раз мельком.

— Вас не пригласили на свадьбу?

— Был только никах в узком кругу.

— Что Бердиева о вере вам говорила? Брошюры читать давала?

— Нет. Уважаем, уважаем, — поправила себя Лера, — убеждения друг друга.

— Не верю, что была хорошей, но внезапно превратилась в ведьму.

- Она не ведьма.
- Солдату, который погиб от взрыва, показалась ведьмой.

Единственное плохое, что Лера разглядит в Нилюфар, это ярая нелюбовь к милиции. Но и она — отнюдь не убийственная ненависть. Мотивы рокового поступка в нереализованном материнстве, в начавшемся уже «остатке дня». Неприятие системы, нелюбовь к милиции лишь поводы. В отличие от Молоденькой, школьный курс обществоведения не выветрился из головы подружки, была уверена Лера, Нилю не слепой котёнок 19-ти лет, различает, что такое хорошо и что такое плохо. Во вторичную смерть не верила.

— Милицию не уважала, — глаза дознавателя сверкнули. На немой интерес «почему» добавила. — Брат подростком попал в колонию. Ещё несколько неприятных случаев с милицией в махалле было.

- Отомстила за всё. Бойцов не жалко, которых Бердиева уничтожила?

Ответ, зачем она это сделала, если сделала, подскажет Лере Андрей. Спецслужбист отпустит Леру. Она сядет в автобус, поедет к родителям сообщая справиться со стрессом. Доехав до махали, будет еле плестись с тяжелой сумкой гостинцев. Её догонит Андрей:

— Дай помогу, — мужчина вырвал сумку вместо приветствия. — К родителям? — Лера не ответила, шла с понурой головой. — К Нилюфарке зайдешь? — неуместный вопрос, она рта не раскрыла. Андрей трещал: — Сорок дней завтра, — сакральный срок. Лера удивилась, ему какое дело? — Лучше не ходи. Следят, — Андрей играл в заговорщика. Ей не хотелось говорить. В отличие от Андрея, сыпавшего вопросы. — Почему мужа на похоронах не было? Ты его видела? Я видел. Обедали вместе, — слегка склонившись к ней, прошептал Андрей.

Наконец-то не вопрос, любопытный факт. Брат Нилюфар Рахим не мастак налаживать элементарный быт, он мастер языком трепать. В доме Бердиевых дымилась духовка, подгорала сверху, не пропекало снизу. Не выдержав пыток неисправной духовкой, Нилю, по совету соседей, пригласила Андрея, забуддыгу и лоботряса, на трезвую голову универсального мастера по искоренению всяческих неполадок. Он отключил газ, разобрал плиту, собрался чистить вентель. Для этого нужна ветошь. Мастер с хозяйкой прошли в гараж.

— На ветоши были следы от оружейной смазки, — Андрей остановился, попридержал Леру за руку, чтобы оценила важность информации. — Чуешь, чем дело пахнет?

- Подумаешь, — отозвалась Лера.

Мужчина сообщил потрясающую новость, Лера приняла за безделицу. Андрей обиделся. Было отчего: раскрыл тайну, не оценили. Объяснил проще:

- У него пистолет, может, автомат.
- У кого?
- У мужа. Рахим пользоваться оружием не умеет, чистить — подавно.
- Уверен?
- Я что, в армии не служил? Нагар или смазку на ветоши не различу?
- И что это даёт? — подумав немного, спросит Лера.
- Из-за него она хлопнушкой дёрнула.
- Сама захотела...

— Взрывную волну на себя приняла, погибла. Для партизана «орден» заработать хотела.

- Какой орден, какой партизан?
- Для радикалов заслуга, если жена шахидка.
- «Заслуга»? Орден за смерть? Соображаешь, что говоришь? А если она беременная была.
- Не была.
- Тебе-то откуда знать?
- После облучения детей не бывает.
- Много знаешь!

Нилю тщательно скрывала, что облучается. Народ был в курсе. Как махалля узнала? Мать проболталась? Из больницы утекла информация? Утаить семейные секреты от соседей трудно. Надо ли? Соседи услышат. Соседи посочувствуют. Соседи помогут.

Нилю болезненно переживала, что не сможет стать матерью. Ревела в присутствии Леры, дома не могла, мать заметит воспаленные глаза, огорчится. «Сиж у гинеколога, жду справку, зашла пациентка. Доктор обычные вопросы задает, когда жить начала, первая беременность когда была. «Сколько беременностей было?» — «Двадцать». — «Родов?» — «Одни». — «Абортов?» — «Девятнадцать». Врач оторвал голову от карточки, взглянул на уникальную пациентку. Медсестра в восхищении застыла с выпущенными глазами. У меня шок: зачем таким Бог детей дает?»

После восклицаний Нилю пускалась в рёв. В другой раз ревела, забежав к Лере после прогулки в парке: «Сижу, отдыхаю. Мимо мамаша коляску толкает. Ребенок, от силы два года, поворачивается ко мне, рукой показывает: «Тётя одна». Ребёнок в коляске и то понимает, ненормально быть одной». И в рёв до конвульсий, спина содрогается.

Лера и Андрей дошли до места. Оставив сумку у входа, Андрей ушёл, на Лерино «зайди, чай попьём» — обязательное в махалле правило приглашать любого, кто оказался у ворот, — отказался. Ушёл с угрозой на устах:

— Вот увидишь, докажу, боевик он.

Лера будет сравнивать собственные наблюдения с выводом Андрея. Подруги случайно увидятся в махалле осенью, чуть больше чем за полгода до весеннего переполоха. Нилюфар окликнет подругу, Лера не сразу узнает её в халате до щиколоток, сверху толстая, на подкладке, стеганая душегрейка. На голове хиджаб. Рядом интересный мужчина: высокий, плечистый, крепкий. Муж, поняла Лера. Приобняв, он прижмёт Нилю к себе, махнёт головой в сторону Леры, пойдёт от ворот прочь. Лера подойдёт к подруге, они обнимутся, заохают от восторга:

— Ты? Наконец увиделись. Замуж вышла?

— По никаху, без свадьбы. А то бы тебя свидетельницей сделала. Ты?

— Пока нет. А то бы тебя свидетельницей сделала.

Рассмеются, останутся довольны видом друг друга. Нилю шло мусульманское одеяние. Лицо посвежело, на щеках непривычный румянец, глаза блестят. Лера выглядела иностранкой: кожаный рюкзак, камуфляжные штаны, ботинки. Подруги договорятся завтра поболтать по душам в кафе.

К кафе Нилюфар подъедет на «Тико». Откуда, удивится Лера. Мужнина даёт кататься, объяснит Нилю, я на права сдала. Как умещаетесь в ней, пошутит Лера, муж-то не маленький. Поэтому отдал, что не умещается, улыбнётся Нилю, я-то складываюсь. Мало того, не на автобусе приедет, выглядеть будет на все сто: дорогая обувь, красивые украшения, шелковый платок. Наконец на её улице праздник, порадует за подругу Лера. Они вдоволь наговорятся, тепло попрощаются, выяснится полгода спустя, насовсем.

Переночевав у родителей две ночи, Лера выберется в обратный путь. Опять тяжелая сумка: выпечка, соленья, замороженные фарш, котлеты. Брат, отец с утра в кафе, помочь с сумкой не могли. Встретится Андрей, подхватит сумку. Похоже, караулил её, чтоб договорить. Начнёт первой Лера:

— Да, он крепкого телосложения: без брюха, широко шагает. Это не значит — обязательно военный. Наверное, спортом увлекается.

— Спортсмен? Шутишь? Точно говорю: военный, профи. В смысле — санитар леса. Опасный товарищ.

— Так и опасный?

— Его военные судили. Он обиделся на них. Возможность появилась, отомстил.

— Тише, не вслух, не доказано. Не вас с Бахой, меня вызывали.

Андрей бросил завистливый взгляд. Его не вызывали, а хотелось, чтоб потом гордиться, чуть ли не в застенках нацбезопасности побывал.

— Как там?

— Никак. О запачканной тряпке слушать бы тебя не стали.

Ветошь заслуживает внимания, понимала Лера, но продолжала «игнорировать» вывод Андрея, чтоб выдал подробности, задетый её скепсисом:

— Не смейся. Задним числом все умные. Если сразу понял, кто он, почему не сообщил, так и так, куда положено?

— Они бы не поверили мне. Хорошо. Если у них любовь, почему его на похоронах не было? Если она действительно в ДТП погибла?

— Может, вместе погибли.

— Брось ты. Хоронили одну Нилю.

— Его семья, наверное, забрала. На родине похоронить.

— Он городской, какая родина? Жив он. Если бы увидел, врезал бы ему. Рука чешется. Из-за него она стала хиджабнутая.

— Какая-какая?

— Расстрелял бы на месте, — Андрей всё о своем. — Вытащил бы его пистолет, расстрелял. За Нилю. Пусть посадили бы, ради Нилю не жалко. Его на похоронах не было, точка.

— Меня тоже на похоронах не было, хотя близкая подруга.

— А никого из махалли не было. Хоронили при закрытых воротах.

В махалле если в доме большое горе, ворота распахиваются. Народ заходит выразить соболезнование без приглашения.

— В саване готовую привезли, приказали: не открывать, не обмывать.

Много лет спустя Лера увидит «Дирижёр» Павла Лунгина. Сцены, как мыли мужчине накануне теракта, будет смотреть, забыв дышать. Удостоили ли Нилю чести быть омытой? Был ли прощальный ужин в полутьме? Тихий разговор в кругу соратников об инобытии? Как встретила рассвет? В страстной молитве? В мужниных объятиях? В забвении? В муках сомнения? Или репетировала завтрашнее действие?

— Если соседей не было на похоронах, откуда ты знаешь, что в саване привезли?

— У стен глаза и уши есть.

— Тем более не говори, что «орден» заработала. Никто не видел, как она погибла. 50 на 50. Я думаю, в ДТП. Она только начала водить, не справилась с управлением, бывает.

Лерины аргументы были вескими. Андрей зашёл с другой стороны:

— Я с её мужем за одним столом сидел. Он её подговорил.

— Что? Считаешь, можно уговорить покончить с собой?

— Я не боюсь никого, заявляю громко: он её затащил в эти дела, — Андрей понял, Лере нужны подробности. — Я чинил им розетки. Он только-только к ним заехал. Нилю накрыла стол чин чинарём на айване. Муж сел лицом к воротам.

— На почётном месте сидит старший в доме мужчина, ты же знаешь. Ему должно быть видно, кто входит, выходит.

— Вот именно! Контролировал обстановку. Глазами периметр обходил. Мы не попробовали толком плов, он на подушки откинулся. Только военные так быстро едят.

— Показалось.

— Он дернулся, когда ворота скрипнули. Шуганулся.

— Я тоже от резкого звука вздрагиваю. Невроз.

— У тебя нервы. У него реакция, руку сразу на пояс положил, — Андрей воспроизвел движение: хлопнул себя выше заднего кармана джинсов. — Всегда начеку, а должен быть расслабленным, раз молодожён.

— Дернулся, ну и что?

— Хорошо, не верь. Почему он исчез? — Лере нечего было ответить. — Лучше бы я на ней женился.

— Что?! Женился бы?

— Да! Я собирался. Партизан опередил, — Лера мотала головой: не бывать этому никогда. — Ты мне не веришь, а я точно знаю, кто он!

— Шпионил? — усмехнулась Лера.

— Обижает. Только тебе рассказываю. Помнишь друга Эржана Баху?

Лера не помнила Баху, помнила легенду о нём. Баха сломал судьбу нелепо: оставил часть, добрался до метро, катался, пока менты не разбудили в пустом вагоне, не сдали военным. Он из Долины, в метро до службы не ездил. Лера склонна была думать, парень прятался или отдыхал в подземке, обдумывая, как быть дальше. Самовольно покинул часть, скорее всего, из-за издевательств сослуживцев. Молва утверждает, Баха был когда-то парнем с нежными, как у девушки, чертами. Сейчас половина лица Бахи покрыта пышной растительностью — не узнать. Парень затерялся в городе после дисбата, до родителей не добрался. Не хотел «позорить» семью.

— Они вместе бомжевали. Когда Эржана закрыли, Баха перебрался в промсклад на Заводской. Будка у него там, охранять помогает, сторожа за это кормят. Приходил ко мне недавно, чтоб я подстриг его. Говорит, когда Рахим откинулся, зашёл к ним за хаиром¹. Они ему много жратвы вынесли, рубашку новую подарили. Он увидел мужа Нилю, узнал.

— И кто он?

— Старшина, контрактник. Когда Баху в военную прокуратуру возили, они в коридоре пересеклись. Адвокат Бахи с ним за руку здоровался.

— Пальцем в небо. Имени нет. Спутал с кем-то.

— Баха клянётся, запомнил на всю жизнь. Старшина хвастался всю дорогу, ржал не к месту, у самого глазки бегали, осматривался, — короче, ненормально вёл себя, поэтому Баха его запомнил. Я, говорит, молча нервничал, он выпендривался.

— За что он в прокуратуру попал?

— Избил двух салаг, они жалобу накатали. Сам громко адвокату Бахи рассказывал, Баха слышал.

— Посадили?

— Смеешься? Контрактника за салаг?! Думаю, уволился. Бородатые подобрали. Чтоб автомат разбирать-собирать парней в горах научил.

— Почему органы ты с Бахой в известность не поставили? Анонимно можно было, ничего бы вам не было.

— Смеешься? Вычислили бы нас. Баху опять «закрыли» бы. А я Нилю пожалел,

¹ Милостыня.

могла пострадать. Её муж раньше неопасный был.

— То говоришь, он опасный, то неопасный. Определись для начала. Нилю погибла, понимаешь ты? Если из-за него, как ты говоришь, то ты поспособствовал этому своим бездействием.

— Сильно сомневался. Жалею сейчас, что не настучал. Я её любил.

Лера посмотрела на Андрея с презрением: человека нет, тем более не следует оскорбительные вещи про него даже помышлять, не то чтобы произносить вслух. Пропащий мужчина не достоин Нилю; быть Андрею рядом с ней — ни за что! Она, Лера, в первую очередь хай подняла бы, если бы до неё дошло известие, что к подруге подкапывает пропойца.

Лера понимала, думая так, она унижает Андрея. Он нормальный вроде мужик, только язык длинный. Рот приоткрыт, кончик языка лежит на пухлой нижней губе, это выглядит мило лишь у спаниэля. Сверстники дразнили Андрея нещадно. Речь невнятная. Чтобы общаться с ним — нужно привыкать. Нашлась девушка, привыкла к его особенностям, пошла замуж. Прожив с ним два года, сбежала с концами. Андрей пристрастился к выпивке, опустился на дно. Жители его не воспринимали как мужчину, это было обросшее, шатающееся существо в лохмотьях. Периодами он приводил себя в порядок, превращался в мужчину ненадолго.

— Что смотришь, как на врага народа? Я влюбился в неё, как пацан. Бежал, как только звала. У Бердивых работал, грамм в рот не брал. Она уважением взяла, таял: «Ешьте, берите, совсем не едите, вы очень умный, а брат не умеет». Меня кругом, ты тоже, за человека не считаете. Она считала.

Он не всегда был пьячужкой и, гипотетически, мог бросить пить. Андрей и Нилю дружески общались. Это было его приятным отдохновением от осознания своего статуса. Лера вспомнила отцовское объяснение, почему он пьёт: «Думаешь, легко пить горькую? От души воротит. Пью, здесь, — бил себя в грудь, — тошно. Какую страну профукали. Я раньше на матч «Спартак» мог слетать в Москву на день. А теперь что? За стакан пошла играю на похоронах. Где мои ребята, ВИА?» У Андрея были причины пить. Пил, чтобы на трезвую голову не признавать фиаско по жизни. Кто спивается. Кто-то заболевает. Кто взрывается.

— Я собирался завязать с водкой. Пока муж этот не появился.

— Поэтому ты его к «горным мальчикам» зачислил? Дорогу тебе перебежал?

— Да нет. Я знаю, как свои пять пальцев, выпендрёжников. Тоже мне, генерал. Она влюбилась в него. Досталась бы мне, жива была бы.

«Досталась бы мне», — ишь, чего хотел. Никогда это не случилось бы. Пусть обманывается: чем бы дитё ни тешилось... Однако хоть кто-то, кроме семьи, её, о Нилю горюет. Мужчина замолчал. Лера не тревожила, пусть справится с нахлынувшими мыслями. Его любовь была обречена на крах изначально. Кто выйдет замуж за пьянь? Он мечтал о ней, когда не сильно пьяный был, значит — редко. Не серьёзно: мечта реализуется, если превращается в манию.

— Убила себя, потому что пустоцвет. Я б уговорил жить без детей.

— Говорил с ней об этом?

— Боялся. Теперь поздно. Если его увижу, наводку дам. Пусть свяжут. Я теперь без дела не гуляю.

Почему Андрей уверен, муж жив? Он заразит убеждённо: Мурад жив, гуляет на свободе. Хотя за рулём «Тико» была Нилю, рядом, не исключено, соратники, муж, например.

Расплывчатые ответы Тамары укрепят эту версию. Родив первую дочь, Лера придет погостить к родителям. Договорится об интервью с Тамарой. Пообещает 100 долларов за каждый ответ на три вопроса. Лера готовилась к встрече, втайне от мужа откладывала заначку, чтобы заплатить за откровенность Тамары. Они присели на скамейку в парке имени Нилюфар. Лера вытасила деньги из сумки, держала банкноты в руках, чтобы Тома доверилась ей. Предупредила, что не будет использовать ответы для публикации, дескать, давно отошла от исследований. Ошибалась. Спустя полтора десятка лет, во время всемирного карантина, выпала возможность, облекла впечатления о той весне в печатные слова.

— На фото с сайта из суда мужа Нилю, Хазрата, нет?

— Хазрата нет, точно.

— Мурада?

— Кажется, нет. Я его не видела, меня уже не было в кружке, когда его привели. Он старше ребят, которые на фотографии.

— Хазрата арестовали?

— Не знаю.

— Он жив?

— Не знаю.

- Может, живёт где-то себе спокойно, а ребята в тюрьме?
- Может. Я не расспрашивала никого из наших... Только с вами говорю.
- Ладно, поехали дальше. Второй вопрос: им заплатили?
- Платили. Немножко. А за это... Не знаю. Не из-за денег они шли на это, думаю.
- Вам платили?
- За что? — Тамара испугается.
- Что приводила людей.
- Хвалили только, говорили, я умею разговаривать как надо... Ну, не только хвалили. Зубы отремонтировала бесплатно. Пломбы ещё держатся.
- Третий вопрос: муж Нилю рядом был, когда она подъехала к КПП?
- Не знаю.
- У кого можно уточнить?
- Не знаю. Связь ни с кем оттуда не поддерживаю. Я туда только три месяца ходила. Бабушка оттуда меня прогнала.
- Правильно сделала.
- Ещё как правильно! Боюсь думать, что б со мной могло произойти. Рожать боюсь. Ребёнок вырастет, вдруг попадёт к дурным людям.

Тамара была на сносях. Лера обрадовалась, что пообещала ей 300 долларов. Лишними не будут.

Как бонус от себя, Тамара рассказала Лере о семье Шахиды. Ей удалось поговорить с матерью Молоденькой, когда событиям минуло три года. Родители наотрез отказывались верить, что дочь совершила самоподрыв, пока их не повезли на опознание. Да, всё верно, правду говорят дознаватели: участница страшных акций. Отнесли дочь на кладбище второпях, скрытно, без публики, предали земле. С работы оба родителя уволились. Сына перевели в другую школу.

Почему дочь оказалась среди них? Подобные вопросы отец стал способен задавать два года спустя. Первый год в головах супругов варилось кошмарное месиво из оторванных голов, рук, кишок, забитых в кокон савана. Два года длился жуткий сон наяву. Мать и отец, не концентрируясь на процессе, автоматом выполняли семейные обязанности. Проведя скромные поминки во вторую годовщину, они решили: пора признать.

— Не буду глаза от соседней отводить, — твердо заявила мужу жена, — не буду, как ты, голову в песок прятать.

Мать во всём обвиняла коварных радикалов, которые зомбировали дочь психотропными веществами:

— Она заторможенная была за несколько дней до понедельника, постоянно спала, помнишь? — она искала у мужа подтверждения. — Шахиду околдовали. Я не виновата.

— Хватит! Хватит оправдываться. Виноваты, — отец с себя вины не слагал.

— Ах, так?! Я, значит, виновата? Я неправильно воспитывала? Скажи, умный ты наш, в чём? Где ты был?

Женщина гневалась на дурёху дочь, горькую судьбину, на слишком честного мужа. Муж знал, необходимо переждать «цунами», жена вернётся в норму. Со временем вспышки упреков — «а-а-а, конечно, она же не твоя дочь» — участились. Это было верхом несправедливости по отношению к нему. Женщина нарывалась на развод. Он сделал максимум, чтобы завоевать доверие маленькой девочки. Жена прекрасно осознавала, муж любил Шахиду, был настоящим отцом, не отчимом. Гнев брал верх.

— Взятки не брал, не пьёшь, не куришь — праведник, одним словом. Рада за вас. А я грешница, но я ни перед кем не виновата. О себе беспокойся, праведник. За меня не переживай. Я, как бы тебе ни хотелось, в аду гореть не буду. Меня есть кому по мосту провести.

— Кто у тебя из хороших остался? Только я.

Родственники резко ограничили общение с ними, чтобы на их пороге не появлялись служивые люди с неудобными вопросами. Если бы дочь знала, как её «подвиг» будет ссорить родителей между собой, с родственниками. Отец не выдержал, уехал в горы пасти овец. Мать позвала обратно.

— Они помирились. У матери оса в пальцы кусает.

— Не поняла.

— Ноги у неё болят. Говорит, боль, как укус осы, начинается. Жар вверх ползёт, пальцы сводит, ходить трудно. Отец — молодец, хорошо за ней ухаживает, — закончит Тамара обзор положения в семье со смертью Шахиды.

— Вас не ругали, что вы её в сообщество привели?

— Они не знают. Думают, я с Шахидой только на курсах арабского языка училась.

Тамара внезапно прекратит рассказ. На том спасибо, подумает Лера, с искренней благодарностью на словах отдаст деньги. «Интервью» не откроет важных деталей, но акцентирует ей внимание на одной, которую прежде она пропускала: Нилю на КПП

была не одна. Лера проезжала этот пост не раз, он где-то в километре от кольцевой дороги вокруг города. Справа бетонный забор транспортного предприятия, по верху забора колючая проволока. Слева небольшой сквер, остановка, базарчик, магазинчик; за деревьями и магазинчиком кусок заброшенной, не разобранной железной дороги, за железной дорогой жилые дома. Место выбрано с желанием не навредить мирному населению. Если бы! Само КПП — высокий отбойник, сужающий шоссе. У отбойника будка служивых, собачья конура. Иногда въезжающие в город машины обыскивают с собаками. Пост в тот день был усилен военными.

У этого поста взорвалось «Тико». Второго подрыва не было, А что если раненую Нилю отбил у военных муж с друзьями? В кутерье они выбрались из боя. У Мурада с собой были новые документы, обезболивающие, деньги, пистолет. Он сбросил автомат, она хиджаб, они бежали за город, потом за кордон; он шастал в горах, маршрут знает. Спаслись, а вместо Нилю похоронили другого человека, вероятно, мужчину.

Версия выглядела чушь маразматика. После «интервью» Тамары Лера уверовала в неё: обратное не доказано. Дознатель не выложил перед ней фото фрагментов тела Нилю. Не могла умная девчонка, а Нилю была умной, пойти на дику авантюру. Шахида тоже слыла умной, подорвалась, однако. Но Нилюфар не озорная малышка, в отличие от Молоденькой, у которой кровь кипела. У Нилю кровь стыла. Она вкусила жизни, понимала: жизнь, несмотря на отдельные фрагменты, стоит того, чтобы быть прожитой. Как можно дольше. В беседе с Андреем версия лишь зарождалась.

— Шпионишь?

— Шпионю, — не усёк тогда иронии мужчина. — Из-за него она погибла. Сам, уверен, за речкой в горах загорает.

За пустым трёпом Нилю не вернуть, они дошли до остановки. Вручая Лере сумку, Андрей спросит:

— Куда едешь?

— Далёко.

— Куда именно?

— За границу, — неожиданно ответила Лера. — Замуж выхожу.

Нечаянно озвучила то, что бурлило в ней с последнего понедельника марта. В разговоре с Андреем утвердилась: выходит замуж за иностранца, уезжает из страны. Не хочет гадать, умерла подруга в ДТП или при взрыве, бояться «землетрясений», писать неинтересную диссертацию, ждать, когда наладится экономика. Не хочет разгула политических страстей, терять подруг. Здесь она будет считаться старой первородкой, там — молодой. Пора.

9 мая, приехав в махаллу, Лера к Бердиевым не побежала. Брат отговорил: «Тебя там не ждуг, позже навестишь». Усадив сестру, рассказал много любопытного. Хорошо, подумала она, узнала эти нюансы после беседы с капитаном, а не до, могла невзначай наговорить лишнего. Она, в частности, узнала, что, действительно, Рахим вернулся из колонии не один, вместе со старшиной, который остался жить у Бердиевых на правах зятя. Отныне не было никакого шума в доме, празднеств; контакты с махаллинцами лишь по бытовым вопросам. Рахим сделался примерным прихожанином мечети, ни одной пятницы не пропускал. Это было абсолютно новым в поведении Рахима для знавших его с детства.

Это было новым, но не самым интригующим моментом. Резко возросло благосостояние семьи. Во дворе ночевала «Тико». Дом капитально отремонтировали. Провели поминки отцу за все года оптом, плова двадцать кило приготовили, угощали всю округу.

— Мы с папой ходили.

— Почему мне не сказали?

— Папа решил, вдвоём пойдём.

— Когда это было?

— В июне.

— Я б приехала.

— Тебя на никах не позвали. На годовщину отца, который давно умер, пригласили бы?

— Поминки не свадьба, — оправдала подругу Лера. — Я в это время не в городе была, анкетирование в областях проводили, не смогла бы попасть на никах, если бы даже пригласили. На поминки приглашение не нужно.

— На твоём запое Нилю, между прочим, свидетельницей была.

— Машина зятя? — Лера свернула на более животрепещущую тему.

— Никто точно не знает!

Нилюшкина мама распространялась по округе, «Тико» купил зять, пользуются ею и сын, и дочь. Имя зятя мать соседкам не называла, как принято, упоминала его как «зять». Загадочный зять — друг Рахима, вместе сидели, домысливал народ. Где ещё мог

подцепить его Рахим, если только что освободился? За что срок имел зять, не знали, но махалла сомневалась, что за разбой или кражу, нормальный с виду мужик. Возможно, мокруха по неосторожности, мужчина видный, сильный, не рассчитал удар. Родилась легенда, он бывший контрактник, служил в горячих точках, вернулся на родину, в доме холодно встретили, оказался в колонии за драку с тяжёлыми последствиями, на зоне побратался с Рахимом. Нилю сосватал за себя замуж выйти. Часто уезжал, соседи полагали, навестить родное село. Может, в горы, думала после откровений Андрея Лера. С опытом военной подготовки, верю, говорила себе Лера, но что за «опыт боевых действий»? Давно нет союзной армии, горячие точки у каждой республики свои. В их республике по возрасту не мог участвовать в боевых операциях.

— В тюрьмах настоящий исламский университет, всех в веру обращают. Рахиму пошурмили мозги 24 часа подряд. Говорит, волей-неволей верующим сделаешься.

Возможностей для развития в тюрьме предостаточно. Можно криминальное образование повысить, в страстного поборника веры превратиться. Деньги зарабатывать мошенничеством по телефону. Вторую часть походов Ходжа Насреддина написать или «Что делать?» Известным орнитологом, как Роберт Страуд, стать. Попасть в книгу рекордов Гиннеса как самый гибкий человек планеты; Мухтар Гусенгаджиев начал тренировки в заключении. Времени, что ли, там много? Мотивация прёт? Можно с катушек съехать или капитально в какую-нибудь тему въехать.

— Когда ты с ним разговаривал?

— Как «откинулся». Несколько раз на рынке пересекались. У него точка на рынке.

— Откуда?

— А я о чём? Я сутками в кафе, ночью там, мы еле на плаву. У него через месяц после колонии непотопляемый бизнес, ковры продает. Откуда, объясни ты мне.

Объяснить внезапное улучшение благосостояния Бердиевых в махалле не могли. И Лера не смогла. Наблюдение брата взяла на заметку. Вероятно, Бердиевым — зятю? — выделили из общака. Из чьих закромов, чья рука щедро одаривает бывших заключенных? За что? Всех ли? Собственной заначки у Рахима быть не могло. Он не крутой авторитет, чтоб его снабжали. Спонсор Бердиевых — зять, мелькнула догадка у Леры. Кто, в свою очередь, его благодетели? Вряд ли родня. Сыновья богатеев контрактниками в армию не идут.

Перед отъездом за границу Лера пойдет попрощаться к Бердиевым. С трудом поднявшись, мать Нилю пройдет в спальню, вернётся с завернутым в тряпицу браслетом и брошью из потемневшего сплава. Браслет Лера видела, брошь никогда. Это не брошь в чистом виде, это центральный элемент монисты, судя по двум небольшим петелькам по верху броши, нескольким петелькам снизу, по отсутствию булавки сзади. Брошь — металлическая пластина в форме эллипса, усеяна бахчей из большой бирюзы. В центре продолговатый сине-голубой камень с узкой женский ноготь, вокруг зеленовато-голубые, с коричневыми прожилками, с трещинками камни мельче. В том же стиле браслет: шире к середине, уже к краям; в центре продолговатый камень, по бокам камешки с восхитительными переходами оттенков от голубого к бурому. Большая бирюза уникальна. Здоровая скучна из-за однотонности, смотрится тусклой пластмассой. В разноцветье, в краплениях инородного, в дефектах — жизнь.

Вручая подарок, женщина скажет, это афганская бирюза её бабки, дочь Рахима вряд ли оценит по достоинству, возьми ты, Лера, на память о Нилю. Подарок был дорогим во всех смыслах. Зашлифовать петельки, приклеить булавку, брошь достойна светских раутов. Натуральная больная бирюза не для повседневности, для особых выходов.

Устав от «землетрясений», от «кризиса» в экономике, языковых нововведений, религиозных утопий, Лера улизнет из страны к подходящему в мужья иностранцу. В Сеуле жизнь сложится, не без напряжения, конечно, но примерно так, как она планировала. Невредная свекровь, две дочери, любящий муж со стабильной занятостью, у самой креативная самозанятость. Квартира в ипотеку с французским окном, белая кухня, всевозможные гаджеты. Ностальгировать по родине некогда. Только Нилю заставляет ныть сердце. Она корит себя, что не боролась на подругу, не уберегла от неправильных мыслей. До сих пор ищет ответ, что произошло, почему.

Политика — чёрт ногу об неё сломит. Политический аспект самоподрывов Леру не интересовал. Аналитики, наступит время, разложат сухие факты по полкам, объявят выводы. Колеблющиеся численные показатели жертв со временем стали тем, чем были всегда — просто цифрами. Неужели права Зайнаб аби с пророчеством о войне для каждого поколения? Д. Митчелл с утверждением: мир — это перерыв между войнами¹. Свалился еще и ковид. Люди в гости перестали ходить, обниматься, целоваться. Подозреваем каждого, а не носитель ли он коварного вируса. Сообщения по воздуху

¹ Дэвид Митчелл, «Облачный атлас».

как отрезало. Греться к морю не ездим. Одно радует, любая война кончается. Она последует изречению: «Чем давать вещам объективную оценку, лучше воспринимать их, как тебе удобно, — и приблизишься к истинному пониманию этих вещей»¹. Она так и будет воспринимать события той весны.

Почти через год после самоподрывов в городе, когда она уже поковала чемоданы, 2 февраля, в её день рождения, Леру разбудит звонок. Она возьмет трубку без промедления: рано без необходимости не тревожат. Разговор длился не больше минуты. Они говорили одновременно, торопясь. Услышали голос друг друга, и всё.

А был ли звонок? Иногда сомневается, убеждает себя, разговор приснился. Но нет, она слишком здравомыслящая, ходит мимо мистики. Утренний звонок не самовнушение, говорит она себе, каждый февраль звонит нынешним хозяевам, не просил ли кто позвать бывшую хозяйку квартиры к телефону. Знает ответ, тем не менее, беспокоит их. Из года в год интересуется, отчётливо понимая, с её нездоровьем, даже при внешнем благополучии, подруга вряд ли жива, вряд ли позвонит, как в том феврале:

- Наконец. Слышишь?
- Ты? Ты...
- Да-да. Узнала?
- Тебя не узнать? Неужели...
- Сегодня ноль два ноль два. Поздравляю. Спасибо, что ты у меня есть.
- Как ты? Здоровье? Мне не хватает тебя.
- Пойдёт. Сильные лекарства. Ты как?
- Замуж за иностранца вышла. Приезжал, расписались, уезжаю.
- Поздравляю. Счастья, детей. И за меня роди.
- Хоп.
- Приходили?
- Вызывали. Ничего не поняла.
- И не надо.
- Тебя, оказывается, Андрей любил, любит.
- Передай привет. Нет-нет. Никому, что я звонила...
- Хоп. Твои — нормально. Мама бирюзу отдала...
- Молодец! Носи на здоровье. Кончаю. Ругается, засекут.
- Плохо без тебя, не хватает.
- Мне тоже.
- Береги себя.
- Пока.
- Пока-пока, — Лера проговорила в пустую трубку.

¹ Харуки Мураками, из предисловия к русскому изданию «Страна чудес без тормозов и конец света».